

Дневник 0000

Три вещи,

которые

нужно **ЗНАТЬ**

О РАКЕТАХ

Дневник девушки
книготорговца

Джессика Фокс

**Три вещи, которые нужно
знать о ракетах. Дневник
девушки книготорговца**

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 82-9
ББК 84(7Сое)-4

Фокс Д.

Три вещи, которые нужно знать о ракетах. Дневник девушки
книготорговца / Д. Фокс — «Азбука-Аттикус», 2013

ISBN 978-5-389-18834-1

В нашем книжном магазине достаточно помощников, но я живу в большом старом доме над магазином, и у меня часто останавливаются художники и писатели. Уигтаун – красивое место, правда, находится он вдали от основных центров. Мы можем помочь с транспортом, если тебе захочется поехать по округе, пока ты у нас гостишь. Еще здесь довольно холодно, так что лучше приезжай весной. Получив это письмо от владельца знаменитого в Шотландии и далеко за ее пределами книжного магазина, 26-летняя Джессика окончательно решается поработать у букиниста и уверенно собирается в путь. Может быть, там, в сказочно красивой стране, найдет ответы на множество вопросов ее мятущаяся душа? Целебным ли окажется подобный дауншифтинг для Джессики, перспективного кинорежиссера и сотрудницы НАСА? И вот уже позади перелет через Атлантику, и сквозь лобовое стекло фургона гостеприимного книготорговца она видит знакомую многим зеленую вывеску с золотыми буквами – The Bookshop, а по обеим сторонам от двери – небольшие бетонные колонны в виде стопок книг, закручивающиеся вверх спиралью словно цепи ДНК... «Мне казалось, что я отыскала Священный Грааль, самое удивительное, что только есть на Земле». (Джессика Фокс)

УДК 82-9
ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-389-18834-1

© Фокс Д., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог	7
1	8
2	18
3	27
4	34
5	37
6	38
7	42
8	45
9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джессика Фокс

Три вещи, которые нужно знать о ракетах

Дневник девушки книготорговца

Jessica Fox

THREE THINGS YOU NEED TO KNOW ABOUT ROCKETS

A Real-Life Scottish Fairy Tale

Перевод с английского Ирины Никитиной

В целях защиты частной жизни участников событий имена и описания были изменены, персонажи наделены чертами разных людей, а некоторые детали опущены.

© Jessica Fox, 2013

© Никитина И. В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

* * *

На экране компьютера белела страница Google с набранными в поисковой строке словами «букинистический магазин Шотландия», осталось лишь нажать Enter. Я закрыла глаза. Я видела все настолько четко, словно уже была там. Будет холодный, промозглый день, я буду сидеть, закинув ноги на длинный деревянный прилавок. В книжном магазине, за несколько вселенных от Лос-Анджелеса, в маленьком шотландском городке у самого моря я буду наслаждаться будничным уединением... В магазинчике будет тихо и пусто, а я буду взглядом мечтательно скользить по пейзажу за окном, рассматривая зеленые холмы и море вдали.

«Это сумасшествие».

Джессика Фокс

*Посвящается Шоу,
а также моим родителям и родным, живущим по обе стороны
Атлантики, без которых этого приключения никогда бы не произошло*

Странствие героя Джозефа Кэмпбелла

Призыв к приключениям.

Отказ откликнуться на призыв.

Покровительство сверхъестественных сил.

Испытания.

Апофеоз.

Награда.

Отказ от возвращения.

Пересечение последнего порога.

Свобода жить.

Пролог

Есть три вещи, которые нужно знать о запуске ракеты. Первое: если сесть слишком близко, вас убьет звуковой волной. Оказавшись в толпе зрителей, с трудом разместившихся в два ряда на металлической трибуне, мы сидели под жарким флоридским солнцем в нескольких милях от пускового комплекса, с нетерпением ожидая предстоящего зрелища. И вдруг что-то произошло – где-то вдалеке, по ту сторону раскинувшегося перед нами водоема.

Второе, о чем следует помнить: во время запуска ракеты возникают звуковые волны, способные убить человека, однако, как это ни странно, первое впечатление, возникающее у зрителя в этот момент, – это абсолютная тишина. Тишина, в которой я и мои соседи по трибуне в изумлении наблюдали за тем, как из сопла вырвались сперва серебристые клубы, затем белые и наконец – пламя. Тишина, в которой жена и ребенок одного из космонавтов, стоявшие рядом со мной, беспомощно наблюдали за происходящим, пока шел обратный отсчет. Тишина, в которой огромная волна, самая настоящая волна, неслась по водной глади, заставляя рыб выпрыгивать из воды, пока наконец не достигла берега, а затем врезалась в наши барабанные перепонки, накрыв нас с головой.

И третье, о чем нельзя забывать: это стремление отнюдь не новое, а напротив – давнее, можно даже сказать, древнее. Наблюдать, как эти храбрые первопроходцы в крохотном летательном аппарате бросают вызов земному притяжению, было зрелищем поистине фантастическим – все равно что видеть, как факты и метафоры, сливаясь воедино, неожиданно оживают. Происходившее, минуя логику, резонировало напрямую с нашим первобытным подсознательным, добиралось до самой сути того, что значит быть человеком, до нашей бесстрашной, ненасытной природы – движимая любопытством, она гонит нас прочь из дома на поиски неизведанного.

1

...жизнь [художника] не может не быть полна конфликтов, поскольку две силы воюют в нем: с одной стороны, вполне оправданное стремление нормального человека к счастью, удовлетворенности и безопасности, а с другой стороны – неудержимая страсть к творчеству, заходящая так далеко, что она подавляет любое личное побуждение. <...> Личности приходится дорого платить за божий дар творческого горения¹.

Карл Густав Юнг. Психология и литература

Отдел литературы по психологии, третья полка справа в главной галерее

У любой истории есть начало, ну, или так нам кажется. Начало, середина и конец – эти три составляющие создают ощущение реальности, словно столпы, на которых все держится, которые всегда были и всегда будут. Если бы кому-нибудь пришло в голову нарисовать их на бумаге, он изобразил бы эти монолиты четко очерченными, цельными и независимыми друг от друга.

Однако, если присмотреться, становится видна их эфемерная природа. Некая однозначная точка отсчета, которую мы привыкли принимать за «начало», в действительности напоминает облако, состоящее из бесконечной череды моментов, каждый из которых можно дробить несчетное количество раз. В этой связи напрашивается вопрос: а есть ли вообще отправная точка? Или же каждый из нас благодаря простому факту своего существования преобразует мир вокруг, добавляя в него сюжеты собственной жизни, а любая история берет начало вовсе не вовне, а внутри нас? Всем нам знакомая фраза «давным-давно жили-были», казалось бы знаменующая начало повествования на первой странице книги, на самом деле служит лишь отражением того, что истинным источником являешься, и всегда являлся, ты сам.

Гудки автомобилей и таракание выхлопных труб сливались в единое нарастающее крещендо. Я сидела в машине, поджариваясь под палящим голливудским солнцем. В свои 25 была твердо убеждена: вот так и оборвется моя недолгая жизнь. Меня найдут на водительском сиденье наполовину высунувшейся из открытого окна, застрявшей в пробке на лос-анджелесском шоссе и скончавшейся от перегрева и изнеможения.

Щурясь от яркого света, я напрягала глаза, стараясь разглядеть растянувшуюся впереди вереницу автомобилей. На бульваре Силвер-Лейк обычно не бывало заторов, но сегодня поток встал намертво. Изнывая от жары и нетерпения, я высунулась в окно. Рядом с дорогой раскинулся пересыхающий водоем, который и подарил бульвару такое название. Как и многое другое в Лос-Анджелесе, озеро это было не природным, а искусственным – бетонный резервуар, который практически полностью опустошался и пересыхал летом и снова частично заполнялся водой зимой. Посмотрев на него, я поняла, что хочу пить. Видеть бетон там, где должна быть вода, было все равно что смотреть на ботинки волшебника из Страны Оз, торчащие из-под театрального занавеса, – неприятное напоминание о том, что это мир, где все держится на притворстве, а озер не существует в природе, их можно только наколдовать при помощи денег и силы воображения.

Я любила Лос-Анджелес, хотя и не смогла бы выдать нечто внятное, если бы кому-то вздумалось узнать почему. Бостон выветрился из меня с такой же быстротой, с какой здесь высыхает автозагар. Проведя лишь год в разросшемся лос-анджелесском пригороде, я уже чувствовала себя единым целым с этим местом, этим смогом, солнцем и водой, вернее – отсут-

¹ Перевод Г. Бутузова и О. Чистякова.

ствием оной. Я выросла в Новой Англии, и мне всю жизнь казалось, будто я без конца боролась с какой-то невидимой силой, такой же мощной и неуловимой, как сила тяжести. В Калифорнии я почувствовала, что эта ноша больше меня не тяготит. Здесь не было необходимости с чем-то бороться – если не считать пробок, да и то лучшее, что я могла сделать, – это смириться и поддаться медленному течению автомобильной реки.

Кондиционер моей «тойоты» обдувал салон холодным воздухом, рвущимся сквозь покрытые пылью вентиляционные решетки. Я наклонилась поближе, чувствуя на шее прохладный поцелуй. Опустив голову на руль, я прижала руки к груди, прячась от солнца. Позади был долгий рабочий день, я вымоталась физически и морально, а теперь еще и мои бледные руки грозили обгореть.

Я была начинающим кинорежиссером и жила в квартире-студии среди роскошных, покрытых деревьями холмов, которые окружали водоем Силвер-Лейк, – своеобразный хипстерский рай, притаившийся вдали от океана, в небольшой долине к западу от Западного Голливуда. Это был уютный жилой район, совсем непохожий на стереотипные, увешанные рекламными щитами бульвары, которые первыми приходят на ум при упоминании Лос-Анджелеса. Силвер-Лейк располагался просто идеально: на полпути между Пасадиной, где я работала, и Западным Голливудом – центром местной кинематографической и светской жизни.

Обычно серые тротуары на моей улице, казалось, были усыпаны яркими лепестками. По обе стороны дороги теснились милые бунгало – они отличались формой и размерами, но все без исключения могли похвастаться шикарным видом на заснеженные горные пики и центр Лос-Анджелеса. Наш район располагался достаточно высоко, а значит, можно было дышать свежим воздухом. Временами, когда было особенно много смога, внизу повисало липкое темное облако, накрывавшее город словно поеденное молью покрывало.

Моя студия гнездилась на заднем дворе одного из таких бунгало и представляла собой отдельно стоящий гостевой домик, разделенный на две квартиры-студии, расположенные одна над другой. Я жила на нижнем этаже, в квартирке побольше с личным выходом в сад. Из окна моего обнесенного четырьмя стенами оазиса, если сильно вытянуть шею, можно было разглядеть знаменитый знак на Голливудских холмах.

Я сжала пальцами руль и свернула с основной дороги налево, на пустую тенистую улочку. Списки дел, накорябанные шариковой ручкой на тыльной стороне ладоней, размазались от пота. На работе буду отщучиваться, что это моя собственная версия КПК. Такой вот инженерный юмор.

Основной заработок мне обеспечивала должность писателя-рассказчика и консультанта по связям с общественностью в НАСА – Национальном управлении США по аэронавтике и исследованию космического пространства. Меня приняли туда в качестве специалиста по коммуникации, чтобы я помогала агентству использовать инструменты языка в целях распространения знаний. Что это значит, спросите вы? Меня наняли для того, чтобы повысить эффективность общения между отдельными сотрудниками, командами, отделами и кампусами в составе всей организации. Базировалась я в Лаборатории реактивного движения, где когда-то работали самые выдающиеся умы планеты, где люди претворяли в жизнь мечты, которые они вынашивали с самого детства, – мечты о космонавтах, открытом космосе и ракетах. В кампусе царили энтузиазм и вдохновение. Я ходила по тем же коридорам, что и Карл Саган, Ричард Фейнман и будущие творцы истории.

У меня была идеальная работа, которая предоставляла мне широкие возможности и поддерживала во мне неугасающее стремление ими пользоваться. В университете я изучала сразу две специальности – мифологию и астрономию, при этом во всеуслышание заявляла о своем бескомпромиссном желании стать кинорежиссером. Многие в замешательстве почесывали затылок, не понимая, как я собираюсь совместить эти разносторонние интересы в своей карьере. Уж чего-чего, а целеустремленности мне было не занимать. К восьми годам, осознав,

что мне не удастся стать ни Эркюлем Пуаро, ни Индианой Джонсом, я решила, что следующий пункт в моем списке занятий – профессия кинорежиссера. Соответственно, весь мой жизненный план был ориентирован на реализацию этого замысла. В четвертом классе, пока другие дети в перерывах между занятиями играли на школьном дворе, я заставляла друзей оставаться в классе, и мы репетировали пьесы и разыгрывали сценарии, которые я отыскивала в библиотеке. Когда, уже будучи подростком, я ходила с мамой по магазинам, вместо того чтобы примерять одежду, которую я бы хотела купить, я надевала длинные платья и перед зеркалом в примерочной представляла, как произношу речь на вручении премии «Оскар», пока мама терпеливо ждала снаружи.

Моя целеустремленность выходила за рамки обычных мечтаний. Любую свободную минуту я тратила на достижение цели: в старших классах я отправилась на практику на государственное телевидение, пыталась писать сценарии и снимать фильмы, а окончив университет, несколько лет пахала без выходных и отпусков. Я работала на Бродвее, на различных киноплощадках и на телевидении. Я не знала, что такое жизнь без работы. Когда вышла книга «Дьявол носит Prada», я не могла заставить себя ее прочесть: в ней я видела отнюдь не увлекательный способ отвлечься от повседневных забот, а отражение собственного существования. И вдруг однажды я осознала, что весь этот тяжелый труд дарит мне драгоценный опыт, а вот свободы, которой я так страстно желала, по-прежнему нет. И я решила рискнуть. Я бросила Нью-Йорк, выставив большую часть вещей на улицу и поставив рядом табличку с надписью «Любовь спасет мир», и отправилась в Бостон, планируя основать собственную продюсерскую компанию. Звездным часом для меня стали съемки для The Dresden Dolls – дуэта, исполняющего музыку в стиле панк-кабаре, во время их гастролей по США.

Звонок из НАСА раздался год спустя. В трубке я услышала голос Бена Эпштейна, который говорил из штаб-квартиры НАСА в Вашингтоне. Он объяснил, что посмотрел мою первую короткометражку и она ему очень понравилась. Один наш общий друг рассказал ему о моем прошлом в области фольклора, мифологии и астрономии, и мы целых двадцать минут болтали о мастерстве рассказчика, о кино и исследованиях космоса. Я так увлеклась разговором, что совсем забыла: это ведь собеседование для приема на работу. Бен рассказал мне, что хочет использовать искусство повествования, чтобы внедрить в НАСА практику обмена знаниями. Он полагал, что у каждого из сотрудников есть множество историй, которыми они могли бы поделиться, но, поскольку в обычной жизни для этого нет повода, их подчас уникальные знания и опыт попросту утрачиваются. Мое сердце забилося от волнения. Я подумала: это именно то, чем я с удовольствием могла бы заниматься. Космология и мифология были моей страстью, сколько я себя помнила, именно из-за них я и решила снимать кино. Я чувствовала, что рождена для той вакансии, которую он описывал.

Мы обменялись еще парой электронных писем, и вот меня пригласили на собеседование в штаб-квартиру НАСА.

Я опустила стекло, сидя в своей маленькой машине, которая, прямо как в сказке «Паровозик, который верил в себя», наконец забралась на вершину холма. В салон ворвался свежий ветерок. Здесь, наверху, в тени цветущих деревьев, было чуть прохладнее. Я почувствовала, что впервые за всю неделю могу расслабиться. Мы трудились над множеством разных проектов, самым крупным из которых была идея нанять моего старого товарища и коллегу Джея О'Каллахана, известного на весь мир рассказчика, чтобы тот придумал историю к пятидесятилетию НАСА. Ничего подобного прежде никто не делал, а мы рискнули, решив поручить ему эту задачу, и я ощущала на своих плечах груз ответственности как за НАСА, так и за дорогого сердцу друга.

Я в очередной раз принялась нарезать круги по кварталу. На нашей улице было не просто припарковаться: у большинства домов не было подъездной дорожки. Рисуя в своем воображении идеальное голливудское гнездышко, я забыла предусмотреть место для парковки.

Прежде чем переехать в Лос-Анджелес, я ночи напролет грезилась о жилище своей мечты. Небольшая студия с отдельным входом и личным садом. По правде говоря, этот образ настолько отчетливо представал моему внутреннему взору, что я легко могла вообразить, как, прислонившись к кухонной раковине, держу в руках чашку с горячим чаем и разглядываю цветущий рай за окном. Я никогда не задавалась вопросом о том, существует ли он, меня интересовало лишь, как его найти, и спустя несколько недель просмотра онлайн-объявлений и после нескольких неудачных попыток мне все же удалось найти идеальное место. Маленькая студия в районе Силвер-Лейк, уютившаяся на склоне зеленого холма, стала для меня первым добрым предзнаменованием после переезда в Калифорнию.

Желающих снять эту квартиру было немало. Вполне приемлемая арендная плата, удачное расположение и полное уединение. Кроме меня было еще несколько напористых претендентов, твердо убежденных в том, что студия должна достаться им. Особых надежд я не питала, однако решила сделать все от меня зависящее. Я предоставила рекомендации, выслала полное резюме и примеры своих проектов. После тщательного собеседования владелец отправил мне сообщение о том, что, по мнению его парня, я обладала «приятной энергетикой», так что квартира досталась мне.

Открыв багажник, я достала оттуда сиротливый коврик для йоги, который в последнее время обделяла вниманием, и пакет с продуктами. Меня обрадовала мысль о предстоящей прогулке в гору. Я целыми днями по восемь часов сидела за компьютером, уставившись в экран, а когда возвращалась домой, у меня начиналась вторая смена – я занималась собственной продюсерской компанией. От такого объема работы я ходила выжатая как лимон, в каком-то странном, хотя и типичном для современных людей состоянии постоянного изнеможения при одновременной нехватке физической нагрузки. Однако впервые за всю мою сознательную жизнь работа обеспечивала мне финансовую независимость. У меня была машина, квартира, обставленная мебелью из ИКЕА, а поскольку я вела довольно скромный образ жизни, время от времени я могла баловать себя новой одеждой, обувью и даже развлечениями.

Я оглянулась на свою машину, которая становилась все меньше по мере того, как я поднималась вверх по улице к дому. А я не забыла ее запереть? Черт. Не помню. В последнее время я испытывала такой стресс, что любая информация, попадавшая в мой мозг, стремилась тут же вытеснить любые мелочи, которые все же следовало помнить. Мне казалось, что моя память дала течь, а чей-то действующий на нервы голос, словно звоночек где-то вдалеке, сигнализирует о том, как отчаянно мне необходим отпуск.

Поддавшись лени, я продолжила брести вверх по холму, плюнув на то, закрыта машина или нет. Мой отец-инженер, выпускник Массачусетского технологического института, всегда настаивал на том, чтобы я держалась подальше от любых автомобилей с автоматическими замками и окнами. Его упорство объяснялось просто: он боялся, что, если вдруг я умудрюсь съехать с дороги и упасть в большой водоем (даже когда в озере Силвер-Лейк было относительно много воды, она едва бы достала мне до капота), электронная система даст сбой, а я окажусь запертой внутри автомобиля и утону. К счастью, сегодня этот риск можно было исключить, а вот угнать мою машину могли запросто.

Впереди я увидела девушку, которая жила в студии надо мной, – она открывала калитку, собираясь выходить. Я невольно ускорила шаг. Она была высокой блондинкой и работала ассистенткой у какого-то важного кинопродюсера, имя которого она никогда не называла, что навело на мысль, будто он (или она) был весьма важной персоной. Одной рукой я достала ключи, переложив сумки в другую руку, и, едва переводя дыхание, подошла к калитке – как раз в тот момент, когда моя соседка закрыла ее буквально перед моим носом. Обернувшись, она взмах-

нула накрашенными ресницами и улыбнулась. Прежде чем мне в голову пришла какая-нибудь добрососедская фраза, она нырнула в машину. Внезапно я почувствовала себя жутко одинокой. Отстраненность жителей Лос-Анджелеса вызывала во мне чувство глубокой досады. У меня были друзья, но они были разбросаны по разным уголкам города, и требовалось минимум полчаса, чтобы приехать к кому-нибудь в гости. И даже тогда нам редко удавалось собраться больше чем по двое или трое. Как же мне не хватало чувства сплоченности! Если не считать съемочной площадки, мне никогда не доводилось проводить время в шумной дружеской компании, и по какой-то причине в 25 лет я вдруг обнаружила, что это для меня важно. Мне не хватало ощущения причастности и общности.

Пока я шагала по деревянному настилу, уставленному цветами и кактусами в горшках, мне в голову вдруг пришла мысль: ведь я даже не знакома с хозяином квартиры, которую снимаю. Он жил по соседству в опрятном, отделанном дорогой белой штукатуркой главном доме, вместе со своим парнем и двумя декоративными собачками, с которыми я вела каждодневную борьбу, пытаясь не пускать их в квартиру. Насколько я могла судить, он производил впечатление приятного и тихого человека. Порой, выходя из калитки, я видела, как он рисует красивые сюрреалистичные пейзажи, сидя у себя в гараже, переделанном под небольшую мастерскую. Если мы встречались глазами, он улыбался мне и аккуратно прикрывал дверь. Намек был ясен: одним своим взглядом я нарушала его личные границы.

У меня в кармане завибрировал телефон, однако руки, нагруженные продуктами и ковриком для йоги, крепко держали тяжелую ношу. Я прислонилась к двери, пытаясь нащупать в сумочке ключи, как вдруг она распахнулась сама. Пошатнувшись, я перешагнула через порог и оказалась внутри. Мой перетрудившийся мозг забыл, что входную дверь тоже нужно запирать. Что ж, решено. Мне нужно взять паузу, пока я окончательно не растеряла остатки рассудка вместе со всем своим имуществом.

Если не считать диванной подушки и нескольких бумаг, которые раскидали по полу хозяйские собаки, одержавшие победу в сегодняшней битве и оставившие на полу следы грязных лап, в остальном квартира была в порядке. С наслаждением смакуя мысль о том, что впереди меня ждет целый свободный вечер без забот и хлопот, я положила продукты на кухонную тумбу. Распаковывать было особо нечего: консервированный суп, слегка подтаявшее мороженое и практически полностью расплавившаяся плитка шоколада. Повар из меня был так себе. Честно говоря, я вообще ненавидела готовить, зато имела особый талант находить парней, которым это занятие было по нраву.

Рухнув на диван, я достала телефон. От кого-то пришло сообщение. Наверное, моя подруга Роуз, актриса, предлагает поужинать вместе. Я открыла телефон-раскладушку. Сообщение не от Роуз. С экрана на меня смотрел до ужаса знакомый номер, при виде которого у меня волосы встали дыбом. Я не хотела читать. Почувствовав, как у меня прихватило желудок, я вскочила на ноги в полной уверенности, что меня сейчас стошнит. Я захлопнула мобильный и бросила его на диван. Идея провести вечер в четырех стенах, в полной тишине и одиночестве, вдруг показалась мне очень скверной.

Джош заехал за мной в восемь. Я ждала его, стоя у калитки и наблюдая, как сгущаются сумерки. Теперь, когда послеполуденное солнце скрылось за горизонтом, на улице стало прохладно, и я потирала плечи, обводя взглядом улицу, в ожидании, когда появится автомобиль Джоша. Мы познакомились спустя несколько дней после моего переезда в Лос-Анджелес, когда сидели друг против друга в OM Café – милом местечке, которое я облюбовала в первые дни в незнакомом городе. Беседу завел Джош: спросил что-то о том, откуда я и сколько уже живу в Лос-Анджелесе. Он был привлекательный – высокий, стройный парень с копной темных волос, который вел себя мило и в меру чудаковато. Он работал программистом и разработчиком видеоигр и имел на счету много известных игр. До сих пор о мире компьютерных технологий я знала совсем немного, но достаточно, чтобы он сумел произвести на меня впечатле-

ние. Наш непринужденный разговор быстро перерос в обсуждение событий НАСА, мастерства повествования и видеоигр. С Джошем было легко, а когда он мне улыбался, у него на щеках появлялись симпатичные ямочки. В общем, он был совершенно очарователен.

Джош определенно воспринял сегодняшней вечер как миссию по спасению. По тону моего голоса он понял, что я расстроена, и приехал, чтобы умчать меня прочь от забот на день рождения своего друга Тейта – самого знаменитого разработчика видеоигр во всем Лос-Анджелесе. Вечеринка обещала быть в стиле Голливуда – и в стиле Джоша. У него в жизни вечно происходило что-то интересное, и наши приключения никогда не разочаровывали. Будучи трудоголиком до мозга костей, я часто отказывалась от его приглашений, но в этот вечер мне нужно было отвлечься.

Внизу на дороге замаячили фары. Вслед за тихим рокотом двигателя показался спортивный автомобиль Джоша. Проехав по узкой изогнутой улочке, он шустро затормозил около меня, а я помахала рукой в знак приветствия.

Улыбнувшись, я вспомнила, как во время нашей первой встречи Джош спросил, не хочу ли я пойти вместе с ним на маникюр и выпить по «маргарите».

– Я знаю отличное местечко, – сказал он с улыбкой.

Сначала я жутко расстроилась и огорчилась. Так он гей, подумала я, но тут же согласилась составить ему компанию, решив, что, на худой конец, мне удалось завести друга. В тот вечер, когда он появился у моей двери с букетом, я усомнилась в своих предположениях, осознав, что вообще-то он и впрямь пригласил меня на свидание. По всей видимости, мужчины в Лос-Анджелесе любят ухаживать за собой не меньше, чем женщины. Я очутилась в параллельной вселенной – немного пугающей или, по крайней мере, еще не совсем привычной. Мы весело провели время, потом сходили еще на три свидания, но у нас так ничего и не вышло. Я была неготова, в те первые месяцы мое сердце все еще было связано узами прошлого, оставшегося где-то там, в другом месте. Надо отдать ему должное: он быстро все понял и наша дружба продолжала крепнуть. Как-то раз Джош сказал мне, что я могу позвонить ему в любое время дня и ночи и он возьмет трубку. Я часто проверяла это обещание на честность, а он держал слово и всегда был готов прийти мне на помощь.

Джош улыбнулся, опуская стекло.

– Боже, как ты сексуально выглядишь, – сказал он. – Залезай, пока кто-нибудь еще не попытался тебя увезти.

Я улыбнулась, садясь на низкое, обтянутое черной кожей сиденье рядом с ним. Ему всегда удавалось поднять мне настроение.

– Очень мило, что ты согласился заехать за мной, Джош.

У меня дрогнул голос. Я все еще не была полностью уверена, что сделала правильный выбор, решив сегодня пойти на вечеринку. Но это казалось мне куда более привлекательным занятием, чем остаться дома и грустить весь вечер. Каждый раз, когда я вспоминала про то сообщение, мой желудок снова начинал исполнять сальто-мортале. Телефон лежал у меня в сумочке, словно заряженный пистолет. Соблазн взглянуть на сообщение становился все сильнее.

В нерешительности я повернулась к Джошу:

– Но не забывай, если я и поеду, я не смогу остаться допоздна, хорошо?

– Ага. Конечно.

– Джош, я серьезно.

Я раздосадованно тряхнула головой. Всякий раз, когда мне казалось, что я наконец-то смогла расслабиться, мой внутренний трудоголик напоминал о себе. Он никогда не терял бдительности, не позволяя мне сбиваться с намеченного пути.

– Сегодня у Тейта день рождения, а значит, там будет полно продюсеров, которым следует с тобой познакомиться.

Хотя мое типичное для Восточного побережья стремление к самосовершенствованию давно уступило место мантрам о принятии себя, которые я мало-помалу впитала в Лос-Анджелесе, моя упорная концентрация на карьере никуда не делась. Я записалась в группу медитации, на занятия которой часто заглядывала певица Бонни Рэйтт (вместе со своей собакой). Я тоннами поглощала сок из ростков пшеницы, прошла перенастройку чакр и с удовольствием ела бесплатные обеды во всех знаковых духовных заведениях Голливуда, от церкви сайентологов до Каббала-центра. Все и вся в Лос-Анджелесе говорили мне о том, что мудрость заключается не в дисциплине, а в умении отпускать. Но что именно отпускать? Все, полагаю я, даже сам этот вопрос. Яркое солнце постепенно выжгло мои воспоминания о сумрачных зимних днях, походы по магазинам пришли на смену разгребанию снега, а необходимость постоянно находиться среди людей все чаще вступала в конфликт с моей склонностью к затворничеству... но работа все еще была для меня на первом месте.

По лицу Джоша скользнула знакомая мягкая улыбка:

– Ты слишком серьезна. Тебе нужно больше веселиться.

Я посмотрела в окно, притворяясь, что размышляю над его словами.

Тейт жил по соседству с Силвер-Лейком, в престижном районе Лос-Фелис с вылизанными лужайками и солидными домами. Улица, на которой располагался его особняк, огибала Гриффит-парк – пышно раскинувшийся уголок дикой природы, который, согласно некоторым источникам, считается крупнейшим парком в стране. В самой верхней точке парка, изрезанного множеством пешеходных тропинок, находится обсерватория Гриффита.

Дженкинс Гриффит, богатый бизнесмен, живший на рубеже XIX–XX веков, сколотил состояние, занимаясь сначала горнодобычей, а потом недвижимостью в Калифорнии. Его всегда увлекала астрономия. Когда в начале 1900-х он впервые посмотрел в шестидесятидюймовый телескоп (на тот момент – крупнейший в мире) в обсерватории на горе Вилсон, представшие его взору дали космического пространства изменили его навсегда. Они сделали из него альтруиста.

Гриффит полагал, что, если бы у каждого человека была возможность так близко познаться с космосом, нам удалось бы добиться мира во всем мире. Он безвозмездно предоставил всю территорию парка в пользование местных жителей, а также выделил деньги на строительство обсерватории, чтобы любой человек мог заглянуть в самые потаенные глубины Вселенной, причем совершенно бесплатно. Я не раз бывала в этой обсерватории и была потрясена увиденным.

Улица, на которой жил Тейт, была заставлена автомобилями, поэтому Джош остановил машину.

– Тебе лучше выйти здесь, а то придется далеко идти. – Он взглянул на выражение моего лица и понял, что я нервничаю. – Все будет нормально, правда, просто заходи в дом. Тейт тебя помнит.

У него поблескивали глаза. Было заметно, что он чувствует себя хозяином жизни, сидя за рулем спортивной машины, с девушкой, которую он ведет на элитную голливудскую вечеринку. Он подмигнул мне.

Я вылезла из машины и засмеялась:

– Ты прямо как Джеймс Бонд, Джош!

Его ухмылка стала еще шире. Для разработчика видеоигр он действительно был слишком хорош. Программисты и геймдизайнеры – это своеобразное племя, обитающее в Лос-Анджелесе. Я всегда чувствовала себя комфортно в их обществе, возможно, потому, что своими манерами и интересами они походили на людей, с которыми я познакомилась в НАСА. А может, они напоминали мне отца-инженера, который и по сей день обожал игры и всякие изобретения. Как бы то ни было, они были нетипичными обитателями Голливуда, вроде баночки с экзотическими специями, попавшей в шкаф с обычными кухонными ингредиентами. Разумеется, и

среди геймеров встречались любопытные персонажи, порой попадались эгоисты, но по большей части это были люди, не склонные осуждать других, открытые новым идеям и не скучные в общении, пусть и казалось иногда, что они страдают легкой формой синдрома Аспергера².

Я стояла перед домом Тейта, чувствуя некоторую неловкость оттого, что пришла одна. Большая входная дверь из резного дерева выглядела так, будто вела в замок. По обеим сторонам от входа веерами развернулись большие зеленые пальмовые листья. Посередине висел дверной молоток в форме головы льва с кольцом в пасти. Парадное поистине достойное королевской резиденции – Тейт был представителем голливудской элиты.

Дверь открылась, а за ней появился хозяин – босой, в штанах цвета хаки и в самой обыкновенной голубой рубашке навыпуск. Я невольно ссутулилась, переминаясь с ноги на ногу. Тейт был на полголовы ниже меня. Взгляд его светло-голубых глаз застыл на моем угловатом восточноевропейском лице. Он стоял один в дверном проеме, уставившись на меня.

– Привет, Тейт. Надеюсь, я не слишком рано.

– Вовсе нет.

Он шагнул в сторону и впустил меня в выложенный плиткой холл.

Я протянула ему руку, и он неловко ее пожал. Наверное, я вела себя слишком формально.

– Тейт. Я – Джессика... подруга Джоша, помнишь? Мы как-то раз встречались.

Судя по его ничего не выражающему взгляду, он не имел ни малейшего понятия, кто я такая. Я покраснела. Как самонадеянно было с моей стороны предположить, что он меня помнит. У него ведь столько знакомых. Мне следовало представиться с самого начала.

– Я помню, – вежливо ответил он. – А почему Джош не с тобой?

– А, он паркует машину. – Я снова неловко переступила с ноги на ногу и огляделась. За его спиной спиралью наверх уходила монументальная лестница, обрамленная стенами с белой лепниной и встроенными полками-углублениями, как на старинной вилле.

– Он обещал приехать пораньше, – объяснил Тейт, закрывая за мной дверь. – Здесь был кое-кто, с кем я хотел его познакомить.

– А-а. Боюсь, ему пришлось сначала заехать за мной. – Я отчаянно пыталась избежать неловких пауз, которые словно назойливые мухи неизменно возникают в разговоре малознакомых людей. – Что ж, с днем рождения! Надеюсь, тебе весело?

– Да нет, вообще-то не особо. – Он пожал плечами.

Большинство людей сочли бы за грубость подобную прямоту, но я, наоборот, сразу немного расслабилась. Тейт повел меня на кухню, где полнотелая мексиканка мыла в раковине овощи. Из стоящих на плите кастрюль валил пар, а в воздухе витали запахи запеченного мяса и сладкого соуса чили. Невероятный аромат. У меня заурчало в животе.

Я повернулась к Тейту:

– У тебя чудесный дом. Когда его построили?

– Где-то в начале 1920-х. Типичная вилла в испанском стиле.

Я последовала за Тейтом в большую гостиную. На полу лежали восточные ковры, в остальном же в комнате было почти пусто: в дальнем углу стоял рояль, а вокруг телевизора и консоли для видеоигр валялась пара скейтбордов и кресел-груш. Декор, вполне подходящий для съемочной площадки фильма «Большой», где Том Хэнкс играет двенадцатилетнего мальчика, внезапно оказавшегося в теле взрослого мужчины.

– Комната для игр, – сказала я, переступая порог, и услышала, как мой голос эхом разнесится по гостиной, отражаясь от высокого потолка.

Тейт сел за стоящий у дальней стены рояль.

² Синдром Аспергера – один из видов аутизма. – *Примеч. ред.*

– В точку, – отозвался он и заиграл Баха – так мастерски, что я растерялась. – Прости, я давненько не играл! – крикнул он поверх музыки. Из-под его пальцев безо всяких усилий струились аккорды, которыми гордился бы даже профессиональный пианист.

Как оказалось, я была не единственным слушателем на этом концерте. Сквозь раздвижные двери справа от меня я увидела внутренний двор и гостей, толпившихся на террасе и вокруг большого, хорошо подсвеченного бассейна. Похоже, вечеринка была в самом разгаре.

Одно из окон распахнулось, и снаружи на подоконник облокотилась стройная, молодая азиатка. Пытаясь перекричать музыку, она обратилась к Тейту:

– Эй, именинник! Пора бы пообщаться с гостями!

Тейт перестал играть.

Девушке, как и мне, было двадцать с небольшим, она была в ярко-розовом бикини. Тейт, казалось, отвлекся на ее декольте, глядя, как она наклоняется ниже.

– Я говорю, гости заждались. Вообще-то это твоя вечеринка.

Внезапно мне показалось, что на мне слишком много одежды – сарафан и шлепки – да еще и на размер больше, чем нужно. Несмотря на ночную прохладу, на роскошных женщинах не было почти ничего, кроме купальников, а мужчины, одетые в удобные шорты и поло, выглядели так, будто только что вернулись с поля для гольфа. Дорожку через сад освещали небольшие фонарики, от которых воздух казался теплее, словно солнце не заходило вовсе. Я окунула руку в бассейн и тут же пожалела, что не взяла с собой купальник. Вода была приятно теплая, как в большой ванне.

В дальнем углу бассейна известный киноактер присматривал за своими детьми, которые плескались там, где помельче. Я почти осмелилась подойти и сказать: «Привет друзьям из Бостона», но решила, что это все же не лучшая идея. Я не хотела его беспокоить, тем более показаться занудой. В общении с голливудской элитой существовало негласное правило: не беспокоить. Сказать «я ваша большая поклонница» – это еще куда ни шло, а вот проявлять назойливость было недопустимо.

Среди присутствующих было несколько человек с телевидения, которых я тоже узнала. Кое-кто из них занимался коктейлями, двое стояли в очереди за едой. Еще я заметила пару-тройку друзей Джоша из геймерской индустрии, но лица остальных гостей мне были незнакомы, наверняка среди них были продюсеры, их жены, подруги и ближний круг.

Джош появился среди гостей и разыскал меня в толпе. Он улыбался:

– На тебе есть купальник?

– Нет, кое-кто забыл меня предупредить, что это будет вечеринка у бассейна. – Я заметила, как взгляд Джоша на мгновение задержался на худой, как жердь девушке в красном бикини, едва прикрывающем груди, каждая размером с дыню.

Мимо прошел официант с подносом розовых коктейлей. Я взяла один и опустила взгляд.

– Это порно-шоу – полная нелепица, – сказала я и тут же смутилась от собственной застенчивости. В моем голосе зазвучали ханжеские нотки домохозяйки из 1950-х.

– А чего ты хочешь? Это же актрисы. – Джош пожал плечами. – Для них эта вечеринка – один большой кастинг.

– Наверное. – Мне внезапно захотелось домой.

– Слушай, тут полно людей, с которыми я хочу тебя познакомить. Я уже все им о тебе рассказал. – Вслед за этим со свойственным ему великодушием Джош принялся водить меня от одного продюсера к другому, а мне все сильнее казалось, будто мне устроили какие-то диковинные смотрины.

Джош то и дело называл меня «восходящей звездой кинорежиссуры», но большинство продюсеров гораздо больше интересовал вопрос о том, почему на мне платье, а не купальник.

– Я подумала, что будет слишком холодно купаться, – твердила я как попугай.

Другие, казалось, были разочарованы, что я не актриса.

- Почему именно актриса? – в замешательстве спросила я у Джоша чуть позже.
- Потому что актрисы обычно спят с ними, – шепнул он мне на ухо.

Я заняла:

– Джош, я могла бы сейчас спокойно лежать на диване в уютной пижаме...

– И есть суп из консервной банки? – Джош засмеялся и покачал головой. – Не сдавайся так быстро. Они поймут, как ты талантлива, и заинтересуются, точно тебе говорю.

Оставив меня на время, Джош отправился налаживать связи. Я схватила бургер, чтобы подкрепиться, и вновь ринулась в бой. Каждый последующий разговор колот чуть сильнее, чем предыдущий.

Один мегапродюсер спросил, чем я занимаюсь.

– Я режиссер, – гордо заявила я.

На его лице отразилось разочарование.

– Ну и что же ты снимаешь, сопливые мелодрамы? Детские телешоу? – Его взгляд начал блуждать в поисках чего-нибудь поинтереснее.

– Ни то ни другое.

Внезапно он посмотрел на меня, словно понял что-то.

– А, погоди, так ты лесбиянка?

Краем глаза я увидела, что к нам бежит еще один продюсер, высокого роста, лет тридцати. Я сделала шаг в сторону, уступая ему дорогу, и в этот самый момент он с криком «Побе-регись!» с лету врезался в мужчину, с которым я разговаривала. Они оба, одетые, рухнули в бассейн, подняв тонну брызг, от которых облаченные в бикини актрисы завизжали как резаные. Барахтаясь и бултыхаясь, они не давали друг другу вынырнуть, а их жены наблюдали за происходящим с выражением полного безразличия и скуки.

Я стояла и смотрела, как эти двое, словно пара глупых молодых моржей, дурачились и веселились от души, а ведь в их руках находились ключи от мира, который я так любила и в который так стремилась попасть. Они плескались в этом бассейне так, словно это было их личное озеро, и, глядя на них, я вдруг ощутила самую настоящую тоску.

Мы жили в краю золотого песка, посреди пустыни, где всегда царило тепло и все сверкало яркими красками, а городов не должно было существовать вовсе. А может, и не было никаких городов и все это – лишь мираж, а я – Одиссей, путь которого лежит через Лос-Анджелес, город ангелов, – сказочный край, в котором оживают мечты, где все легко и просто, где удобно и тепло, а детство длится вечно.

2

*«Любая масса – это взаимодействие»³.
Джеймс Глик. Гений. Жизнь и наука Ричарда Фейнмана
Биографический отдел, напротив камина, под буквой Ф*

Мне доводилось бывать в разных центрах НАСА, но в Лаборатории реактивного движения (ЛРД) было красивее всего. Меж длинных широких корпусов с большими окнами пролегли тенистые дорожки, перемежавшиеся зелеными лужайками с лавочками для отдыха. Под сенью деревьев укрывались от солнца астрофизики, практикующие тайцзи. Без всякого преувеличения это место можно назвать святилищем ботаников, райским островом, который служил домом для выдающихся, новаторских, творческих умов, где и у меня был свой маленький уголок. В стороне от главного здания находился новый корпус, к которому вела одна из многочисленных дорожек. Там, на первом этаже, в самом конце коридора, у меня было собственное рабочее место.

Я сидела в своей каморке под светом искусственных ламп. Вокруг – голые перегородки. Как-то раз в разговоре с коллегами я сравнила эти стенки с пустыми полотнами. На самом деле я старалась как можно больше работать из дома, ведь даже в таком незаурядном учреждении, как НАСА, черпать вдохновение среди белых воротничков и офисных перегородок было трудно, особенно по пятницам. Через двадцать минут начиналось совещание, на котором я должна была присутствовать. Высвободившееся время – такая редкость в моем графике – я решила использовать, чтобы просмотреть лежавшую на столе почту. Большую часть писем составляли уведомления от НАСА и сообщения о проведении мероприятий для сотрудников и их семей. Руководство ЛРД считало необходимым учитывать семейные интересы своих работников, что отличало ее от других центров НАСА, в которых мне пришлось побывать.

За то непродолжительное время, что я работала в НАСА, мне уже довелось посетить несколько кампусов, расположенных в самых разных уголках США, в основном в южных штатах. Каждый центр обладал неповторимой индивидуальностью, словно живой микроорганизм, служивший элементом более крупного, сложно устроенного и полного загадок единства. Как-то раз я ездила в штаб-квартиру в Вашингтоне – как раз после фестиваля цветения вишни, когда город пестрел всеми оттенками розового. Там, среди этих высотных зданий, где сосредоточены все нити управления страной, меня не покидало ощущение величия. В исследовательском центре имени Джона Гленна в Огайо все без исключения сотрудники, от уборщиков до руководителей проектов, гордо демонстрировали свою преданность делу. На каменной стене у входа в центр было установлено электронное табло с ярко-красными цифрами, которые показывали время до следующего запуска. Мне всегда было интересно, не этим ли объяснялся тот особый дух товарищества, который я ощутила в Огайо. Быть может, эти часы играли роль своеобразного центра координат, вокруг которого вращалось все остальное, в том числе и амбиции каждого сотрудника. Как подметил великий рассказчик Джей О'Каллахан, все здесь руководствовались принципом «мы это сделали», а не «я это сделал». Первая встреча с волшебным миром НАСА прошла идеально.

В космическом центре имени Джона Кеннеди во Флориде мне довелось не только воочию увидеть запуск ракеты, что, кстати, стало одним из самых ярких переживаний всей моей жизни, но и посмотреть на новый шаттл. Глядя снизу вверх на брюхо фюзеляжа, обшитое небольшими квадратными панелями из термопены, каждая из которых была сделана по индивидуальному, уникальному чертежу, я чувствовала, как по телу бегут мурашки. Сколько любви, упорства и

³ Перевод Е. Кротовой и Ю. Змеевой.

совместных усилий потребовалось, чтобы осуществить эту мечту, и все – ради освоения космоса. В тот момент я вспомнила о своем преподавателе астрономии Дане Бэкмане, который по несколько часов проводил в университете после окончания рабочего дня, помогая мне подготовиться к пересдаче экзамена по физике. Я подумала о своем отце и о том, как бы счастлив он был взглянуть на все это хоть одним глазком, и о своем прапрадедушке, прадеде моего отца, который снаряжал суда в бухте Балтимора, оснащал их парусами и снабжал провиантом. Когда-то те корабли бороздили океаны в поисках неизведанных земель, а теперь вот этот космический корабль, корабль будущего, готовился отправиться за пределы атмосферы в поисках новых миров, скользя по волнам пустой бесконечности.

Оставалось еще немало центров НАСА, где я пока не побывала, и множество увлекательных приключений, в которые еще только предстояло окунуться. С каждой новой поездкой я чувствовала, как границы моего сознания расширяются, а вера в невозможное становится сильнее. На всей планете, а может, и во всей Вселенной не существовало другой такой организации.

Я старалась приходить в ЛРД не реже двух раз в неделю, чтобы посмотреть, над чем работает команда по управлению знаниями, завести новые знакомства и разузнать последние новости. Мне казалось, будто в стенах лаборатории таится столько невероятных, содержательных историй, моя же задача состоит в том, чтобы сохранить их и заключенные в них знания и передать все это научному сообществу НАСА. Каждому было что рассказать, причем в таком количестве, что это меня слегка обескураживало. Как же записать все эти истории? Какой посыл они несут? Как заинтересовать ими остальных? Сложность состояла в том, чтобы наладить общение не только между разными отделами, но и между центрами, разбросанными по всей стране. Как воодушевить ученых, мотивировать их прислушиваться друг к другу, как распознать ценность чужих историй, чтобы сотрудники НАСА могли обмениваться знаниями, передавать их от участников одного проекта к зачинателям следующего, из поколения в поколение?

Казалось бы, внутри одной американской научной организации должен существовать некий общий, понятный всем язык – скажем, язык астрономии или математики, но в действительности все обстояло совсем иначе. В НАСА говорили на множестве языков, и это сильно усложняло мою работу. К примеру, лексикон инженеров совсем не похож на тот, которым пользуются руководители проектов, астробиологи смотрят на мир иначе, нежели астрогеологи, а руководству между тем требовалось объединить их всех в один огромный симфонический оркестр ради осуществления общей великой миссии. Думаю, мои старания были небезуспешны, потому что, несмотря на все огромное разнообразие специальностей, профессиональных жаргонов и точек зрения, в какофонии историй мне удалось расслышать общий лейтмотив: свойственную всем и каждому тягу к знаниям и жажду научных исследований. Вместе они порождали нечто похожее на пламя в ракетном сопле, на реактивный двигатель, толкающий вперед каждого отдельного сотрудника НАСА.

Когда я была маленькой, меня до глубины души тронула книга под названием «Говорит Черный Лось» – история о жизни шамана по прозвищу Черный Лось и о том, как видения прозорливцев могут повлиять на жизнь общества. Шагая по коридорам НАСА, я часто вспоминала это произведение. «Кажется, я уже говорил, а если нет, ты сам, наверное, понял – тот, на которого снизошло видение, не сможет использовать его силу до тех пор, пока не воспроизведет это видение на Земле, показав его людям»⁴. Эти слова все еще находили во мне отклик – и не важно, шла ли речь о кинематографе или о космических миссиях.

По-настоящему глубокие видения, я полагаю, берут начало в безднах нашего подсознания и представляют собой сложное переплетение знаний, метафор и ощущений. Затем, оказавшись вытянутыми на свет божий, видения превращаются в объект критики, и вот уже мно-

⁴ Перевод А. В. Ващенко и А. А. Знаменского.

жество голосов, словно адвокаты в зале суда, отстаивают разные и по-своему справедливые точки зрения, не давая нам потерять рассудок. В отсутствие ритуалов сон с неуловимой легкостью сливается с реальностью, словно упавшая на ладонь снежинка незаметно тает, прежде чем представится возможность раскрыть заключенную в ней загадку. Едва переступив порог НАСА, я сразу почувствовала себя здесь как дома, хотя бы потому, что знала: в том, что касается всякого рода загадок, здесь работают близкие мне по духу люди. Мне часто доводилось слышать из уст своих коллег: «Я пока не знаю» или «У нас пока нет ответов на все вопросы». При этом в их глазах загорался огонек любопытства и азарта. Им был по душе неустанный призыв Вселенной к дальнейшим поискам, осознание того, что чем больше тайн нам открывается, тем больше новых вопросов встает перед нами. В НАСА видения и мечты воспринимались как неотъемлемая составляющая современной жизни.

Через дверной проем моей каморки был виден плакат НАСА с изображением шаттла и подписью, напечатанной крупным шрифтом: «Проблем не бывает, бывают только решения». Таков был их девиз. Еще один гласил: «Без права на ошибку». Поначалу оба эти лозунга казались мне слишком воинственными, но со временем они стали звучать мягче, и теперь мне виделась в них невероятная мудрость: терять веру недопустимо – ни в себя, ни в свое видение.

Словно пролистав назад страницы книги, я мысленно вернулась к событиям прошлого вечера.

«А, погоди, так ты лесбиянка», – сказал мне продюсер за секунду до того, как его столкнули в бассейн, будто бы это предположение в полной мере объясняло мое желание создавать нечто более значимое, чем заурядные девчачьи мелодрамы. Спустя еще сотню подобных разговоров я стояла на улице в ожидании такси, раздосадованная и готовая расплакаться.

Такси приехало быстро. Устроившись на теплом удобном сиденье внутри сулящего безопасность металлического убежища (в Лос-Анджелесе, садясь в машину, я всегда чувствовала себя ребенком, забравшимся в шалашик из одеял), я услышала, как звонит телефон.

– Аллю?

Судя по голосу, Джош был встревожен:

– Ты куда пропала?

– Поехала домой. Прости. Я больше не могу там находиться.

Внезапно я почувствовала себя виноватой. Джош ведь просто пытался помочь.

– Джессика, не стоит воспринимать их всерьез.

– Джош, в качестве режиссера я им ни капельки не интересна. Их больше волнует, почему я не надела купальник.

– Слушай, – сказал он с ноткой раздражения в голосе. На заднем плане слышались звуки веселой вечеринки. – Ты молодая и привлекательная. Тебе стоит этим пользоваться.

– Извини, я кладу трубку.

Он был не виноват в том, что произошло, а я пыталась сорвать всю злость на нем.

– Выслушай меня, – настаивал он. – Оденься сексуально, очаруй их. А потом, когда они узнают, что ты к тому же умная и талантливая, они придут в полный восторг.

– Не припомню, чтобы Вуди Аллен одевался сексуально.

– Вот именно, и, как видишь, со спонсорами у него до сих пор туговато. – В чем-то он был прав. – Воспринимай это как игру.

– Слушай, прости, но мне пора.

Водитель затормозил, и я бросила трубку.

Может, со временем воспоминания о том вечере станут приятнее? Может, через несколько десятков лет, оглядываясь назад, я буду рада, что в моей жизни был этот опыт. И все же в тот момент я ощущала абсолютную беспомощность, и каждый раз, когда я вспоминаю, как стояла там, у бассейна, единственная одетая девушка, и раздавала визитки, отчаянно

пытаясь добиться серьезного отношения к себе, ко мне подкрадывалось омерзительное чувство униженности.

В дальнем конце коридора послышался голос нашего руководителя проекта: ее голос прервал мои раздумья.

– Джессика, ты идешь на собрание?

Нэнси появилась в дверном проеме и улыбнулась мне, опираясь на перегородку. Она вся светилась радостным энтузиазмом, который исходит лишь от тех, кто по-настоящему любит свою работу.

– Конечно, разве я могу его пропустить.

– Мы поподробнее обсудим проект Second Life. Намечается много всего интересного. – Она постукивала пальцами по перегородке, расставляя паузы между словами. – Увидимся.

Я собрала документы, готовясь к совещанию, и достала телефон. Вчерашнее сообщение все еще висело в папке «Входящие», ожидая, когда я его прочту. Я почти забыла о нем, отвлекшись на события прошлого вечера. Но теперь, когда я оказалась среди офисных перегородок, меня больше ничто не отвлекало. И сколько бы раз я ни перечитывала эти два глупых предложения, новый спазм ни с того ни с сего скручивал мне желудок.

«Я сейчас ем виноград, зеленый, – говорилось в сообщении. – Вот такая у меня насыщенная жизнь теперь, когда ты ушла».

Сообщение прислал Грант – он пытался казаться забавным, чтобы мне захотелось ответить. Это было типичное сообщение от Гранта – милое и незамысловатое с виду, но нагруженное глубоким смыслом. За каждым пробелом скрывалась целая вселенная. Я получила от него весточку впервые за пять месяцев с того самого момента, когда он сказал мне, что из-за меня он не может стать тем, кем хочет. Это разбило мне сердце.

Я уже успела свыкнуться со всем новым и непривычным, что появилось в моей жизни после переезда в Лос-Анджелес, – отчасти потому, что находилась далеко-далеко от Гранта и Восточного побережья. Наши отношения, продлившиеся год, представляли собой пылкий и драматичный роман двух плохо подходивших друг другу людей. Грант был одним из моих актеров. Больше никто на съемочной площадке не знал о нашей связи – возможно, оттого, что мы никогда не называли себя парой, не говорили, что «встречаемся» или что нас связывают какие-либо романтические отношения, а между тем я очень сильно в него влюбилась.

Грант был харизматичный и привлекательный. Я обожала его длинные темные волосы, голубые глаза и широкие плечи. Он обладал внешностью брутального художника – легкоранимый актер, разъезжающий на мотоцикле. Я была младше его на десять лет, однако, будучи режиссером, ощущала в своих руках огромную власть. Я знала, что режиссеры-мужчины часто крутят шашни с актрисами, так почему бы не попробовать наоборот.

Вера в то, что я вношу свой вклад в борьбу за гендерное равенство, была одной из многих иллюзий, которые я питала по поводу наших отношений. Рядом с ним у меня голова шла кругом, я стеснялась и порой чувствовала себя скованно, а осознание того, что мое привычное желание все контролировать наталкивается на препятствия, приятно будоражило. Он был страстным и непредсказуемым и считал, что жить надо, не привязываясь ни к кому и ни к чему. Наши отношения всегда были неоднозначными. Он отстаивал право встречаться сразу с несколькими девушками и, хотя был нежен и ласков, мог легко отстраниться, проявив внезапную холодность. К тому моменту когда я влюбилась в него, мне было ясно, что нашим отношениям не суждено развиваться по обычному сценарию а-ля «девочка знакомится с мальчиком, он ей нравится, они начинают встречаться».

Мы с Грантом договорились, что, если нам захочется встречаться с другими, мы не станем этого скрывать. Мы пообещали всегда быть честными друг с другом, даже если правда могла ранить. И все же мне так и не удалось в полной мере «отпустить» ситуацию, расслабиться и встречаться с кем-то еще, поэтому я без конца переживала, гадая, не нашел ли он

кого-то получше и не собирается ли от меня уйти. Я знала, что пытаюсь устоять на зыбкой почве. Упорно цепляясь за свои либеральные принципы, я твердила себе: я способна любить человека, ничего от него не требуя. Ведь в этом и заключается настоящая любовь, не так ли?

Грант выталкивал меня за привычные рамки, но, вместо того чтобы бежать от таких отношений подальше, я убеждала себя, что взаимодействие со столь неоднозначным человеком дарит бесценный опыт и говорит о моей храбрости. Волшебство случается, когда выходишь из зоны комфорта – по крайней мере, так учат инструктора по йоге и так написано в книжках по личностному росту. Таков, кстати, и идеал трансценденталистов, не так ли? Я следовала заветам Глории Стайнем⁵ из сборника ее эссе «Возмутительное поведение и ежедневное сопротивление»: «Рост происходит там, где пролегают границы». Я свято верила, что, бросая вызов самой себе, становлюсь более многогранной личностью.

Все изменилось примерно через пару месяцев после того, как мы начали встречаться. Как обычно, я проснулась в его постели и, подняв взгляд, увидела трепыхавшиеся от ветра мусорные пакеты на том месте, где должны были быть оконные стекла. Грант вечно что-то ремонтировал, это был бесконечный процесс – как будто Сизиф решил попробовать свои силы в обустройстве дома. За незастекленными окнами его спальни виднелась вывеска похоронного бюро. Иногда по утрам я выглядывала на улицу, и мой взгляд падал на парковку, уставленную катафалками, вокруг которых стояли одетые в черное родственники умерших. Я представляла себя среди них, как я стою и наблюдаю за тем, как прежнюю, уверенную в себе меня в гробу увозят на кладбище. Отношения с Грантом убивали меня эмоционально, отсутствие близости и теплоты между нами словно иглами ранило мое сердце. Мое внутреннее «я» не расцветало, а скорее чахло и увядало.

Тем утром, проснувшись, я перевернулась на другой бок и обнаружила, что Гранта нет рядом: ничего необычного, он часто уходил, чтобы провести начало дня в одиночестве. Я заметила, что на своей половине кровати Грант бросил раскрытый дневник с исписанной страницей. Я села и через плечо покосилась на эту тетрадь. Уж слишком был велик соблазн хотя бы мельком взглянуть, что там: мне выдалась редкая возможность через щелочку заглянуть в душу скрытного Гранта. Я скользнула взглядом по странице, и мне в глаза тут же бросилось мое собственное имя. Я почувствовала, как к щекам приливает кровь. Едва взглянув на дневник, я тут же испытала чувство вины. Я вторглась в личное пространство другого человека. В коридоре послышались шаги, и я невольно посмотрела на страницу еще раз, успев, прежде чем распахнулась дверь, схватить все предложение целиком.

Небрежным, беспечным почерком там было написано следующее: «Я не люблю Джессику, и это нормально».

– А, ты проснулась. Завтракать будешь? – Грант вошел в комнату в полотенце, обернутом вокруг стройных бедер.

Я чувствовала себя так, будто мне в грудь воткнули нож. В тот момент я поняла, что сама виновата в своей боли. А чего я ждала? Я обманывалась, думая, что он любит меня как-то иначе, по-своему, когда на самом деле он попросту ничего ко мне не чувствовал. Все эти придуманные им правила, эта рассеянность, его яростное желание отстаивать свою независимость говорили вовсе не о высоком уровне развития личности, а скорее об отсутствии эмоций по отношению ко мне. Чувствуя себя наивной дурочкой, я вежливо покачала головой.

Грант склонил голову набок. По выражению его красивого лица было видно: он понял, что-то пошло не так.

– Уверена? Давай я тебя куда-нибудь свожу. В конце концов, ты моя девушка.

⁵ Стайнем Глория – американская феминистка и политическая активистка. Ее эссе, вошедшие в сборник «Возмутительное поведение и ежедневное сопротивление» (Outrageous Acts and Everyday Rebellions), посвящены роли женщины в современном мире. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

– Спасибо, но сегодня я обойдусь без завтрака.

Я сделала все возможное, чтобы отдалиться от Гранта. Переехала обратно в свою бостонскую квартиру-студию и пыталась – пусть и безрезультатно – встречаться с другими. Однако спустя полгода на свидании с другим мужчиной я обнаружила, что Грант все-таки испытывал ко мне чувства. По телефону, находясь в переполненном автобусе, он признался мне в любви, после чего у него тут же началась паническая атака.

Спустя два дня я сидела на рабочей встрече в Кембридже в кафе под названием 1369 Coffee House, которое в то время служило мне неким подобием офиса, и тут, в самый разгар обсуждения раскадровок с художником-постановщиком, у меня запищал телефон. Я молча вытащила его из кармана, стараясь не мешать остальным, и, мельком глянув на экран, увидела, что пришло сообщение от Гранта. Никаких объяснений. Никаких предупреждений. Просто и без обиняков: «Я так больше не могу».

Мое сердце расколосось надвое, а его содержимое растеклось по полу кофейни. Увидев то, что находилось внутри этого жизненно важного органа, я ужаснулась: там скрывалось одиночество, темнота и пустота. Поспешно извинившись, я ринулась в уборную, где меня накрыли рыдания, сменявшиеся приступами рвоты. Единственное, что я четко помню из того дня, – это надпись, выведенную черными чернилами на стене туалета прямо над рулоном туалетной бумаги: «Бонни ♥ Рей = навсегда» и «Дерек – придурок».

Я пыталась звонить и писать, но Грант оборвал все контакты и отказывался со мной разговаривать. Я не могла ни спать, ни есть, потому что все вокруг – Бостон, моя работа – напоминало мне о нем. Только-только закончилась череда фестивалей, где я представляла свою короткометражку. На каждом показе мне приходилось от начала до конца раз за разом пересматривать свою работу, наблюдая, как на экране передо мной мелькает его лицо. В тот момент я пообещала себе, что никогда в жизни больше не стану встречаться ни с кем из своих актеров.

Когда я получила предложение от НАСА перебраться в ЛРД и обосноваться в Лос-Анджелесе, у меня не возникло ни малейших сомнений. Я представляла себе, как буду заниматься тем, что мне по-настоящему интересно, и жить в теплых краях в самом сердце мировой киноиндустрии. Я чувствовала, как сила, раскачивающая маятник моей жизни, тянет меня прочь из Бостона.

Мы с сестрой сидели друг против друга за столиком итальянского ресторанчика, когда я рассказала ей, что собираюсь переехать в Лос-Анджелес.

– Калифорния! Ух ты, Джессика, это замечательно! Ты – режиссер. Именно этим тебе суждено заниматься. – Все ее внимание и вся любовь были сосредоточены на мне. – А НАСА! – продолжала она. – Мне до сих пор не верится, что ты будешь работать в НАСА. Это так круто!

Я подняла бокал с вином, и мы чокнулись. Размытое отражение ее лица улыбалось мне сквозь покрытые вином стеклянные стенки.

– Настало твое время блистать, Джесси.

Это воспоминание возникло у меня перед глазами, пока я в сомнениях водила большим пальцем над кнопкой «Удалить», уставившись на сообщение Гранта: «Я сейчас ем виноград, зеленый...» Я опустила палец на кнопку. Удалено. Ощувив внезапную легкость, я зашагала прочь из своей рабочей каморки в сторону кабинета для совещаний. Проходя мимо висевшего на стене плаката с надписью «Без права на ошибку», я почувствовала, как по моему телу электрическим разрядом пробегает радостная дрожь, расходясь по венам до самых кончиков пальцев.

Близился вечер пятницы, у меня было назначено свидание – впервые с тех пор, как я ходила делать маникюр и пить «маргариту» с Джошем. Неделей раньше я познакомилась с талантливым сценаристом из Силвер-Лейка, который попытался купить мне кофе в кафе-баре

Intelligentsia, но, увидев, что я уже пью чай, настоял на том, чтобы я позволила угостить себя ужином.

Кафе Intelligentsia было удивительным местом с кирпичными арками и полом, выложенным симпатичной плиткой. Само здание было построено в 1940-х, а впоследствии изящно переоборудовано под нужды кофеманов XXI века. Там был центр хипстерской тусовки, где все собирались ради мнимого общения, проводя больше времени за своими ноутбуками, чем за разговором. С улицы в кафе неизменно тянулась длинная очередь, струящаяся через уличную террасу и напоминавшая очень медленный показ мод. Я частенько заимствовала идеи для собственных образов, наблюдая за стоящими в дверях посетителями. Складывалось впечатление, что нынче все как один словно униформу носили шорты чинос в стиле 80-х с высокой посадкой, солнечные очки Ray Ban и ни с чем не сочетающиеся трикотажные безрукавки.

Сценарист, который своим очарованием убедил меня вступить с ним в беседу, сидел через два столика от меня. Он рассказал, что написал сценарий к одному из «Форсажей», а теперь работал над чем-то «авторским и грандиозным». Глазея на окружающих, он хорошенько затянулся сигаретой, всем своим видом демонстрируя уверенность искусственного человека, к которому рано пришел успех, и медленно выдохнул дым с унынием, свойственным тому, кого с тех пор успех так и не посещал.

Я и сама не знаю, зачем согласилась с ним поужинать. Его сценарии интересовали меня куда больше, чем его номер телефона, но, когда я попросила первое, он предложил второе, и я подумала: а почему бы и нет? Он пригласил меня в местечко под названием Flore, мой любимый веганский ресторан, и попросил приехать на велосипеде: после он планировал показать мне что-то интересное. Предложение звучало заманчиво и интригующе, но сама мысль о свидании вызывала во мне тревогу, и я невольно надеялась, что пойдет дождь.

Разумеется, дождь не пошел. Напротив, стоял прекрасный вечер – прохладный и ясный, как всегда. В людном центре Силвер-Лейка бурлила жизнь и чувствовалось радостное возбуждение пятничного вечера.

Я сидела на открытой веранде кафе Flore и поела бургер с фасолью и сейтаном, наслаждаясь прохладным вечерним ветерком. Свидание шло на удивление хорошо. Он пришел вовремя, одетый в симпатичную футболку поло и шорты цвета хаки, и сказал, что очень нервничал, приглашая меня на свидание, поскольку боялся, что я откажусь. Похоже, я поспешила с выводами, решив, что он чересчур поверхностный. В отличие от большинства лосанджелесцев он не считал необходимым слепо следовать всем советам Экхарта Толле⁶, не ходил в фитнес-клуб и не только никогда не покупал солнечные очки марки Ray Ban, но и не испытывал такого желания. Он вырос в Нью-Йорке и хотел стать журналистом, но по иронии судьбы кто-то попросил его написать сценарий на основе одной из его историй. Сценарий купили, и, хотя фильм по нему так и не сняли, будущее его автора отныне было предопределено: он попал в капкан кинодраматургии.

– Прощай, журналистика. Привет, Голливуд. – Он улыбнулся, допивая свое вино. – Так, значит, ты работаешь в НАСА?

– Ага, но я не ученый. Я работаю над программой по обмену знаниями.

Мой сценарист посмотрел на часы и подозвал официанта, чтобы попросить счет.

– Погоди, – запротестовала я, – я съела только половину.

– Ты ешь слишком медленно. – Принесли счет, и он схватил его, заявив, что заплатит сам. – Работа у тебя, судя по всему, классная, но ты ведь режиссер. Разве ты не скучаешь, ну, знаешь, по съемкам?

– Я продолжаю снимать, – ответила я, раздраженная и все еще голодная. – Да и потом, в НАСА любой человек с творческой профессией сможет найти вдохновение. Там я встре-

⁶ Толле Экхарт – немецкий писатель и духовный учитель, книги которого пользуются большой популярностью в США.

тила больше творчески мыслящих людей, чем за все то время, что работала на телевидении и в кино. – Мои слова показались ему не слишком убедительными. – Я серьезно. Там больше интересных, увлеченных своим делом, брызжащих идеями и открытыми инновациям и новым технологиям людей, чем среди всех представителей искусства, с которыми я знакома. – Я проводила взглядом официантку, уносившую прочь тарелку с моим недоеденным буррито.

– Тогда тебе понравится то, что я для тебя приготовил, – сказал мой кавалер. – Слышала когда-нибудь о «Полуночниках»?

Я покачала головой.

– Отлично. Идем. – Он схватил меня за руку. Мы пулей вылетели из ресторана и сели на велосипеда. Сценарист посмотрел на мой велик. – Винтажный, с глухой передачей – очень круто.

У меня все еще урчало в животе, но я упорно крутила педали, стараясь не отставать. Метрах в двадцати от нас, напротив кафе Intelligentsia, собиралась толпа велосипедистов – их там было несколько сотен. Высокие велосипеды, велосипеды для паркура, дорожные и горные велосипеды, напоминающие мотоциклы велосипеды-чопперы, велосипеды односкоростные с глухой передачей – я еще никогда не видела столько разных велосипедов в одном месте. Многие были украшены светящимися неоновыми элементами, которые в вечерних сумерках придавали всему этому сборищу вид цирка-шапито, оказавшегося на автомобильной свалке.

Парень двадцати с небольшим лет, одетый в гоночный костюм и с мегафоном в руках, встал на один из стоявших на веранде столиков. Вокруг раздались аплодисменты и радостные возгласы. Он говорил громко и путано. Я поняла одно: что-то вот-вот должно было начаться.

– Мы можем потерять друг друга в толпе! – крикнул мне сценарист. – Позвони мне, когда все закончится, и мы договоримся, где встретиться.

Он повернулся, приготовившись уезжать.

– погоди, что это все значит? – Я внезапно запаниковала. Я не хотела показаться занудой, но куда мы, черт возьми, собирались ехать? И как мне потом добираться до дома?

Сценарист исчез в толпе, и вся эта огромная туча велосипедов сдвинулась с места. словно большое металлическое облако, сотни шумных, сверкающих, фантастических велосипедов единым потоком двинулись вниз по бульвару Сансет – и я вместе с ними.

Ночью пролетающий мимо город выглядел иначе. Нас было так много, что мы катились вперед на идеальной крейсерской скорости. Перед моими глазами разворачивался Лос-Анджелес, который мне не доводилось видеть прежде, потому что я всегда скрывалась за крепостными стенами своей машины. Мне казалось, будто я участвую в городском сафари, только вместо животных вокруг дикие дома, разрушающиеся здания, исписанные граффити стены, эксцентрично одетые пешеходы, заполонившие центр города высотки и светящиеся вывески ресторанов быстрого питания.

Меня обогнал мужчина с густыми усами и колонкой, из которой гремела музыка. Мы все встретили его радостными криками. Теперь у нашей экспедиции был свой саундтрек.

С самого детства я не получала такого удовольствия от катания на велосипеде. Я ощутила давно позабытое чувство свободы. В тот вечер я смогла исследовать те уголки города, где при обычных обстоятельствах ни за что бы не оказалась. Находясь в окружении толпы людей, я могла не беспокоиться о своей безопасности и полагаться лишь на собственные ноги. Дул идеальный прохладный ветерок – достаточно теплый, чтобы не замерзнуть, но в то же время довольно прохладный и не дающий вспотеть. Ночью всем было положено разбредаться по своим пещерам, но, несмотря на это, мы гуляли всюду. Было в этом нечто волшебное.

Рядом со мной ехала девушка примерно одного со мной возраста в классных гетрах American Apparel и самодельном платье. Ее звали Мини, она работала фотографом и, как оказалось, жила неподалеку от меня в Силвер-Лейке.

– На съезды «Полуночников», – объяснила она, – всегда собираются сотни людей. Они стараются занять целую дорожную полосу, ну, знаешь, чтобы привлечь внимание общественности к нуждам велосипедистов и все такое.

Она спросила, как я о них узнала, и я рассказала ей о сценаристе и о его внезапном исчезновении.

– Вечная история... – посочувствовала она.

Мы договорились поехать домой вместе. В тот вечер я познакомилась со множеством чудесных людей, от 80-летних велосипедистов-энтузиастов до семей, которые выбрались из дома, чтобы весело провести время вместе. Наконец-то я нашла компанию единомышленников, которой мне так не хватало в этом городе.

Темнота сгущалась, время близилось к полуночи, и, хотя половина участников уже разъехалась, нас все еще было довольно много. Мы свернули на дорогу, которая по крутому склону взбиралась к вершине холма, и я почувствовала, как мышцы на ногах ноют от изнеможения.

Тот молодой парень с мегафоном стоял напротив мастерской какого-то художника-граффитиста и зазывал всех внутрь. Там нам выдали бесплатные баллончики с краской, после чего мы направились на задний двор мастерской, где возвышались четыре бетонные стены, испещренные всевозможными надписями и рисунками. Мы оказались во дворе для граффити.

Мини отыскала меня в толпе и протянула мне серебряный баллончик. Я никогда раньше не пробовала рисовать, и, хотя было очевидно, что стены предназначены именно для этого, мне было трудно заставить себя закрасить те красивые рисунки, которые там уже были.

– Это одна из мастерских «Полуночников», – успокоила меня Мини. – Ничего страшного, правда. – Она взяла в руки золотой баллончик и начертила на стене свои инициалы. – Видишь?

Когда рисуешь граффити, важно почувствовать скорость струи. Краска с силой вырывается из баллончика, поэтому нужно твердо и уверенно рисовать то, что задумал. Я решила придерживаться подхода «меньше думай – больше действуй» и взялась за дело, с любопытством наблюдая за движениями своей руки и гадая, что из этого выйдет. Моя рука взлетела вверх и вновь опустилась, оставив на стене знак бесконечности.

Я была довольна. Правда, будучи неопытным граффитистом, я водила рукой слишком медленно, и в результате мой знак бесконечности потек, оставив на стене серебряные струйки.

– Бесконечность? Ну конечно, ты же из НАСА.

Я обернулась и увидела позади моего сценариста.

– Спасибо. – Я всучила ему свой баллончик и зашагала прочь. Я не хотела грубить. В конце концов, я была ему обязана: вечер прошел чудесно, пусть и не в его компании.

– Ты куда? – Он, казалось, был сбит с толку.

– Домой, – бросила я через плечо.

Мини уже ждала снаружи. Ее не пришлось долго уговаривать ехать домой. Мы обе устали.

Мы сели на велики, присоединились к нескольким соседям по району и покатали домой по тихим улицам. Мини помахала мне на прощание, когда я, свернув на свою улочку, крикнула ей вслед, чтобы она отыскала меня на следующем заезде.

После того вечера наши дороги больше не пересекались. Вскоре я двинулась по совершенно иному пути, в другом направлении и с другой скоростью.

Взобравшись на холм, я увидела метрах в двадцати нашу усеянную цветами и освещенную светом фонарей калитку. Я с упоением глотала ночной воздух, чувствуя глубокое удовлетворение. Каждый раз, нажимая на педали, я упивалась властью, которую дарила мне возможность двигаться; отныне я полагалась лишь на собственные силы.

3

*Великие шлозы, ведущие в мир чудес, раскрылись настезь*⁷.
Герман Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит
Отдел художественной литературы, вторая полка слева в галерее

Спустя два дня я проснулась утром и поняла, что жутко хочу есть. В животе урчало, но едой этот голод было не утолить.

Спотыкаясь, я добрела до кухни и включила чайник. Тело сладко ныло – результат недавней велосипедной прогулки. Приятное напоминание о том, что хоть и осталось в прошлом, но все же было в моей жизни.

В субботу я целый день работала. Никаких вечеринок и нарядов. Я провела весь день дома в пижаме и расставляла галочки в нескончаемом списке дел: статьи, которые надо было написать для НАСА, обновления в социальных сетях и ответы на письма. Все выходные меня преследовало неизбывное чувство неудовлетворенности собственной жизнью, я была слишком заиклена на работе, и это мне не нравилось. Катаясь на велосипеде по ночному городу, я почувствовала вкус приключений, и это пробудило во мне жажду большего.

Я плюхнулась в свое рабочее кресло и открыла тетрадь. У меня был особый утренний ритуал: размышлять, глядя в окно и наслаждаясь льющимися с неба лучами восходящего солнца. Мне всегда казалось, что людям, занятым в кинематографе, как и представителям любых других творческих профессий, необходимо в течение дня выделять себе немного времени для экспериментов и развлечений. Джозеф Кэмпбелл писал в своем дневнике, что каждому человеку ежедневно требуется место и время, «когда вы не просматриваете газет, не общаетесь с друзьями, не думаете о том, что вы кому-то должны или что кто-то должен вам. Это место, где вы можете ощутить себя: кто вы есть на самом деле и кем можете быть. Это место для развития творчества»⁸.

Утренние часы я отводила для того, чтобы помечтать, посочинять, порисовать и послушать музыку, при этом образы, возникающие в моем воображении, казались мне столь же реальными, как и вид за окном. Все, что приходило мне на ум, я принимала за нечто священное и заносила в свой дневник.

Некоторые скульпторы говорят, что они вовсе не высекают задуманное произведение из куска мрамора, а скорее наоборот – обнажают уже существующую, скрытую в нем форму. Именно так я всегда воспринимала кинематограф. Моя работа заключалась не в том, чтобы смастерить некий образ из слов, а в том, чтобы выступить в роли писца, который передает на бумаге содержание образов, которые сами предстают перед ним. Такой процесс сочинительства, окружающий его ореол загадочности и мистицизма всегда подогревали во мне интерес к этому занятию. Некоторые образы заводили меня в тупик, другие же таили в себе целые миры, которые открывались мне все больше по мере того, как я глубже в них погружалась.

Чувствуя, что не могу сдвинуться с мертвой точки, я часто обращалась к произведениям Германа Мелвилла. «Моби Дик» был одной из моих любимых книг, и я часто представляла себе, как Мелвилл в костюме своей эпохи сидит на моем икеевском диване, с легким недоумением и подозрительностью поглядывая на чашку с зеленым чаем, который я ему налила, и гадает: как же, черт возьми, я тут оказался? Потом он начинает неистово орать на меня, требуя покопаться в недрах души, и заявляет, что мне не найти покоя, пока мое чувство прекрасного и таинственного не насытится. Для меня Мелвилл служил олицетворением человека доста-

⁷ Перевод И. Бернштейн.

⁸ Перевод П. Ярышевой и Н. Ханелии.

точно свободного, чтобы позволить своему творческому воображению вести его куда угодно. Его книги не теряли новизны и будоражащей остроты, ведь он не боялся рисковать и придумывал образы и сюжетные линии и составлял фразы смело и с блеском. Каждый раз, когда мне начинало казаться, что я ничего не понимаю в писательстве, Мелвилл словно маяк указывал мне путь, уберегая от скалистых берегов гнездившегося внутри подсознательного стремления усомниться в себе.

Я налила себе чаю и вернулась к тетради. С ее страниц проглядывали половинчатые очертания сегодняшнего видения, так что я вновь закрыла глаза и погрузилась в мечты: вот девушка, кутающаяся в шерстяной свитер, сидит за длинным деревянным прилавком в букинистическом магазине где-то в Шотландии, на берегу моря. Откинувшись на спинку стула и положив ноги на столешницу, она наблюдает за тем, как за окном течет жизнь.

Я отчетливо вижу перед собой этот магазинчик: высокие деревянные стеллажи, заполненные красивыми старыми книгами в обложках разных цветов и всевозможных размеров. Чувствую стоящий в воздухе запах сырости и плесневелой бумаги. Девушка за прилавком еще глубже ныряет в свитер, – должно быть, на смену осени идет зима: пар закручивается над стоящей перед ней кружкой с горячим чаем. Спокойная и умиротворенная, она погружена в свои мысли, как вдруг звон висящего над дверью медного колокольчика прерывает ее грезы.

Открыв глаза, я удивилась, что передо мной все та же залитая солнцем лос-анджелесская квартира. Ощущение спокойствия быстро улетучилось. Одна и та же картинка то и дело возникала в моем воображении вот уже около года, что было необычно, но еще больше меня удивляло то обстоятельство, что девушка из моего видения была пугающе похожа на меня. Я постоянно представляла себе другие миры и их обитателей, но ни разу у меня не возникало сцен с собственным участием.

Я сделала еще пару набросков в тетради. Пока я рисовала, в моем сознании промелькнула мысль. Что, если это вовсе не идея для сценария? По рукам побежали мурашки. Что, если это видение касается моей собственной жизни? Внезапно мне показалось, будто двери распахнулись настезь, а сквозь них в мой разум хлынул целый поток образов. Я закрыла глаза.

Я еду на красном велосипеде с корзинкой на руле, в которую уложен обед.

Качусь по узкой дороге, по одну сторону которой тянутся гряды зеленых холмов, а по другую, где-то далеко внизу, о берег бьется морской прибой.

Обедаю, устроив свой собственный пикник, а ветер треплет мне волосы. Устремив взгляд куда-то вдаль, на уходящий в бесконечность океан, я размышляю о сути Вселенной.

Я сижу в пабе. На улице уже темно, внутри пахнет пивом, а мне тепло в окружении новых знакомых. Вскоре приходится собираться, мне пора уходить – надо писать. Несколько дружеских голосов хором пытаются уговорить меня остаться, но я покидаю компанию, извиняясь, что ухожу так рано.

А потом... потом... ничего. Пустой экран. Словно у моей воображаемой киноленты закончилась пленка и картинка внезапно исчезла. Я открыла глаза и в недоумении уставилась на тетрадь. И тут же принялась писать.

Внезапно нетерпеливо зажужжал телефон, подскакивая на кухонной тумбе, словно мексиканский прыгающий боб. Я и сама подпрыгнула от неожиданности. Открыв его одной рукой, я увидела сообщение от Роуз: «Ты где, черт подери?»

Я посмотрела на часы. Неужели уже так поздно?

Роуз была моей хорошей подругой еще со студенческих времен – роскошная женщина, талантливая актриса, которая спустя пару лет жизни в Лос-Анджелесе начала привлекать к себе все большее внимание. Помимо толпы поклонников и милой собачки у нее была замечательная квартира в центре, на засаженной пальмами улице в Западном Голливуде.

В течение первых двух месяцев после приезда в Лос-Анджелес я ночевала у Роуз на диване. Именно благодаря ее щедрости я с такой легкостью обосновалась на новом месте. Она показала мне город и дала шанс и время адаптироваться – я могла не беспокоиться, зная, что у меня есть кров и родственная душа в придачу.

Каждое воскресенье мы с Роуз ходили на поздний завтрак в Greenblats, одну из лучших еврейских закусочных во всем Лос-Анджелесе. Наш любимый столик с диванами располагался во втором ярусе, в уютном уголке в самой глубине. Еда здесь была вкуснее, чем дома у бабушки, а бублики с копченым лососем были просто божественные. В рамках этой еженедельной традиции мы с Роуз не только набивали животы, но и щебетали о приключениях прошедшего субботнего вечера. Ее рассказы о звездных вечеринках и чудаковатых парнях, с которыми она ходила на свидания, были более «голливудстичными» (выражаясь ее языком), чем мои истории о бумажной волоките и рабочих поездках с коллегами из НАСА. Мы развлекались, давая друг другу возможность одним глазком заглянуть в другой, неизведанный мир.

В этот раз мы заказали на первое суп с клецками из мацы, уплетая который я выслушала рассказ Роуз о «тихом вечерочке»: она ходила на вечеринку на крыше, где собрались все второсортные представители голливудской элиты, и договорилась о приглашении в особняк Playboy. К тому моменту как мы принялись за наш традиционный сэндвич с копченой лососиной, я успела поведать подруге о том, как прошел мой вечер на дне рождения Тейта, после чего она, хихикая, жестом показала, что больше не может это слушать, и сказала, что, если я не остановлюсь, ее стошнит.

Роуз, сидевшая на диванчике напротив меня, поджала под себя ноги, вздохнула и положила ладонь на свой плоский живот.

– Я объелась, – проговорила она.

Блюдо перед нами полностью опустело, если не считать пары листиков салата.

Я обвела взглядом остатки устроенной нами безжалостной расправы и поняла, что мне все равно хочется чего-то еще. Может, мне удастся утолить этот острый голод, который преследует меня с самого утра, куском шоколадного торта? Пока мы ждали десерт, я рассказала Роуз о сценаристе.

– Только время зря потратила. Радуйся, что так быстро от него избавилась, – сказала она, попивая диетическую колу.

– Наверное, ты права. Мне показалось, что он пытается выглядеть неприступным или что-то вроде того.

– Возможно. – Роуз потянулась. – Он, похоже, любит разводить драму на пустом месте. Подумай вот о чем: охота ли тебе тратить свое время?

Я улыбнулась. Роуз не только заставила меня почувствовать себя как дома, когда я переехала в Лос-Анджелес, но еще и помогла поднять из руин разбитое сердце. Бывали дни, когда я думала, что никогда больше не захочу вылезать из постели и всю жизнь буду лежать дома в пижаме, но она этого не позволяла. Она вытаскивала меня в магазины, в кино – куда угодно, лишь бы отвлечь от мыслей о Гранте. Она нашла отличный способ, как заставить меня снова почувствовать себя на все сто.

«Всегда чувствуй себя на все сто, Джессика!» – так она говорила. В ее философии была заключена особая мудрость, которую никак нельзя было назвать поверхностной. Если в отношениях недостает фундаментального чувства заботы, твой моральный стержень дает трещину, и такие трещины похожи на линии разлома тектонических плит, которые подрывают фундамент жизни, и через них утекает вся радость и энергия, оставляя тебя полностью опустошенной. Роуз нашла простое на первый взгляд решение – продемонстрировать мне, что настроение зависит только от себя самой. Ее метод оказался чрезвычайно эффективным.

– Что тебя беспокоит? – спросила Роуз, когда передо мной поставили громадный кусок шоколадного торта, покрытого глазурью. Одета в обычную белую футболку и джинсы, Роуз

подтверждала свой девиз собственным примером: ее лицо, как всегда, светилось, даже здесь, в обстановке кафе.

– Да ничего. Просто слегка вымоталась. Думаю, моя душа жаждет приключений.

Роуз кивнула:

– Понимаю, в Лос-Анджелесе такое случается. Так ты направь эту энергию на написание сценариев. Это ведь хорошо.

– Не знаю. Мне все чаще кажется, что мне уготовано еще что-то помимо кинематографа.

Роуз взглянула на меня с некоторой тревогой:

– Например?

– Ну... – Мне и самой не верилось, что я собираюсь произнести это вслух. – Я тут подумала, мне всегда хотелось поработать в букинистической лавке на морском побережье в Шотландии.

После секундного молчания Роуз расплылась в улыбке.

– Ты знаешь, а мне всегда хотелось работать в цветочном магазине в Амстердаме.

– Роуз, я серьезно.

– Не сомневаюсь, я тоже.

Я думала, что хорошо ее знаю, но она впервые упомянула об этом. Она взмахнула рукой, словно пытаясь развеять наваждение.

– Но это в нас говорит нажитое в Лос-Анджелесе эмоциональное выгорание. Ну правда, ты ведь уже начала набирать обороты! Ты же не хочешь, чтобы все это пошло насмарку из-за твоего отъезда. Только посмотри, чего ты достигла!

Я пожала плечами.

– Ты работаешь в НАСА, – продолжала Роуз. – Один твой фильм крутят на кинофестивалях, уже начались съемки следующего, ты только что закончила разрабатывать собственный сайт...

– Да знаю я, знаю. Может, ты и права.

– Конечно, права. И потом, – добавила Роуз, – у тебя, похоже, и без того приключений навалом. Вспомнить хотя бы, как прошли твои выходные.

Дело было совсем не в этом. Я хотела сказать Роуз, что мы, возможно, слишком часто оставляем свои видения жить на страницах дневников, не давая им стать нашей путеводной звездой. Я хотела сказать, что, если ей действительно так сильно хочется работать в цветочном магазине в Амстердаме, если, закрыв глаза, она вдыхает витающий там аромат, если она словно наяву видит яркие бутоны стоящих на подоконнике тюльпанов и чувствует, как фартук обтягивает ее талию, когда она завязывает сзади тесемки, если она ощущает в руке вес ножниц, которыми она укорачивает стебли свежесрезанных роз, значит, ей стоит рискнуть. Она попросту не может игнорировать зов сердца, ведь у нее есть шанс сделать свою жизнь настолько богатой, насколько позволяет воображение.

Роуз заглянула в телефон.

– Боже мой! Уже три часа. – Она полезла в кошелек за кредиткой. – Как пролетело время!

– Роуз. Ты платила в прошлый раз. Сегодня моя очередь.

– Ты уверена?

Я кивнула.

– Ну ладно, малышка. – Она сложила вещи в сумочку и нацепила солнечные очки. – Смотри не вздумай улепетывать из Лос-Анджелеса.

Когда я свернула на бульвар Сансет, в моей голове все еще крутился разговор с Роуз, словно самолет, кругами заходящий на посадку. Разумеется, она была права. Я долго и упорно трудилась, чтобы обосноваться в Лос-Анджелесе, и с точки зрения карьерных перспектив было бы абсолютным безумием уехать сейчас, когда дела пошли в гору. Она была голосом разума,

отражавшим вероятную реакцию моих родственников и друзей, каждый из которых, безо всяких сомнений, желал мне исключительно добра. Однако дело было не только в карьере. Мне нужен был отпуск, возможность забыть о работе. Хотя бы на месяц. Максимум на два.

Передо мной вытянулась длинная вереница машин, и я взглянула на телефон, вспоминая, с кем давно не разговаривала.

Я позвонила маме.

– Джессика, как я рада тебя слышать, солнышко! – отозвалась мама с присущей ей радостной сентиментальностью в голосе.

Я вздохнула.

– Спасибо, мам, приятно слышать твой голос.

– Что случилось?

– Ничего.

– Джессика...

– Правда, ничего не случилось. Просто... Мам, как бы ты отреагировала, если бы я решила уехать в Шотландию и устроиться на работу в букинистический магазин?

Последовала продолжительная пауза.

– Я сказала «если».

– Я не против, если ты, конечно, не влюбилась там в кого-то.

– Мам...

– Я серьезно.

Я закатила глаза.

– Ладно, хорошо, конечно. А в целом...

– В целом... – Мама вздохнула. Она уже давно привыкла к моим фантазиям. – Чисто гипотетически звучит интересно.

Внезапно я обнаружила, что пробка рассосалась и я уже въехала в Силвер-Лейк. Теорию относительности Эйнштейна удобно доказывать на примере человека, который за рулем размышляет над волнующими его проблемами.

Уже через несколько минут я была дома. Около моего ноутбука лежала кипа документов, которые я должна была просмотреть до назначенного на завтрашнее утро совещания. Было уже далеко за полдень, но лос-анджелесское солнце по-прежнему так беспощадно палило сквозь оконные стекла, что мои бедра прочно прилипли к обтянутому кожей креслу, на котором я сидела.

На экране компьютера белела страница Google с набранными в поисковой строке словами «букинистический магазин Шотландия», осталось лишь нажать Enter. Я закрыла глаза. Я видела все настолько четко, словно уже была там. Будет холодный, промозглый день, я буду сидеть, закинув ноги на длинный деревянный прилавок. В книжном магазине, за несколько вселенных от Лос-Анджелеса, в маленьком шотландском городке у самого моря я буду наслаждаться будничным уединением. Укутавшись в толстый свитер, я буду держать в руках потрепанный экземпляр романа «Гордость и предубеждение» – этот пыльный томик я разыщу на одной из множества полок. В магазинчике будет тихо и пусто, а я буду взглядом мечтательно скользить по пейзажу за окном, рассматривая зеленые холмы и море вдали.

«Это сумасшествие».

В мое видение пробрался тоненький голосок сомнений и начал мало-помалу разрушать мой сон наяву, пока тот в конце концов полностью не растворился. Ресницы дрогнули, и я открыла глаза. У меня так громко стучало сердце, что я не могла понять, что испытываю – приятное волнение или полнейший ужас.

Вдруг у меня в голове зазвучал громкий, раскатистый голос... Я действительно могу это сделать, а не просто мечтать. Я могу претворить свою мечту в жизнь, хоть раз послушавшись

того инстинктивного чувства, о котором говорил Джей О'Каллахан, рассуждая о сотрудниках НАСА: не «почему», а «почему нет»?

Быть может, суть заключается в самой мечте или в процессе мечтания, а вовсе не в ее осуществлении, подумала я, но что же случится, если я на это решусь? Что будет, если я соберу всю силу своего воображения, всю творческую энергию, которую я направляла на написание сценариев, и пущу ее на налаживание собственной жизни? Я увидела перед собой Мелвилла, сидящего на диване и попивающего чай.

– С какой стати все веселье должно доставаться только твоим персонажам? – сказал он и тут же выплюнул горячий напиток обратно в кружку. – И ты называешь это чаем? Оно же зеленое!

Я окинула взглядом свою квартирку. Четыре белых стены, которыми я так гордилась, груды книг и сценариев, стопки с рабочими документами... Теперь мне казалось, что я заключена в четырех стенах обычной офисной каморки, просто чуть большего размера. В последнее время моя жизнь стала такой ограниченной, такой зацикленной на карьере, что я жила в сколоченной мною же самой коробке. Когда я в последний раз делала что-то, не задумываясь о том, как это поможет мне реализовать личные амбиции? Мне стало грустно, когда я не смогла ответить себе на этот вопрос. В амбициях и в больших планах на будущее не было ничего плохого. Они были частью меня с самого рождения, и в этом пространстве я чувствовала себя как дома, но я также ощущала, что мне не хватает чего-то большего. Я жаждала чего-то, но не могла точно выразить, чего именно.

Я вспомнила то время, когда жила в Праге: еще будучи студенткой, я провела там несколько месяцев. Сидя в своем любимом укромном уголке в ресторанчике *Beas*, лучшем заведении индийской кухни во всей Европе, я прочитала книгу Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой» – основополагающий труд по сравнительной мифологии, в котором автор излагает идеи немецкого этнолога Лео Фробениуса о «путешествии героя-солнца через ночное море», а также рассказывает о «повторяющемся рождении» Тойнби – непрерывном перерождении, происходящем в человеческой душе. Кэмпбелл поясняет, что идеальный путь героя предполагает непрерывный рост, причем не только в одном направлении: даже в условиях постоянных трудностей и изменений мы имеем свойство адаптироваться и наш рост затормаживается.

Я порыскала в ящиках стола и нашла там дневник, который вела во время пребывания в Праге. Я пролистала пару страниц и дошла до записей о «непрерывно повторяющемся рождении». В записях, сделанных знакомым почерком на странице, слегка запачканной карри, более молодая я пыталась разобраться, из чего же складывается идеальный путь и что позволяет человеку постоянно развиваться. Внизу страницы я пришла к выводу: мы сами должны выбирать вектор своего жизненного пути, поскольку, по мере того как мы позволяем себе меняться, вместе с нами меняется и направление, в котором мы движемся.

Я захлопнула дневник. Мой разум кипел от ощущения осмысленности и появившейся цели в жизни. Близился мой день рождения, до него оставалась всего пара месяцев, и я внезапно поняла, что лучшего момента не придумать. Я подарю себе отпуск. Это будет прыжок в неизвестность, не важно, куда меня занесет. Возможность следовать за своей интуицией – вот такой подарок я сделаю себе на 26-й день рождения.

Я нажала на клавишу *Enter*. В поисковике тут же показались результаты по запросу «букинистический магазин Шотландия», и самая первая ссылка гласила: «Уигтаун, книжный город Шотландии национального значения».

– «Уигтаун, книжный город Шотландии национального значения», – прочитала я вслух.

Я перешла по ссылке и почувствовала, что мое сердце вот-вот вырвется из груди. Скромный сайт с целым списком книжных магазинов на выбор. Я не могла поверить своим глазам. Уигтаун был городишкой с населением тысяча человек, но там было целых шестнадцать книж-

ных магазинов, а находился он в Шотландии, у самого моря. Внутри меня вновь зазвучал раскатистый голос: «Вот видишь, ты все можешь осуществить».

4

Когда выбираешь один образ действий из многих возможных, те, от которых ты отказался, сдуло, словно огоньки свечей, словно они и не существовали. А цепляться за их существование – значит ничего не сделать. Надо было выбирать⁹.

Филип Пулман. Янтарный телескоп

Отдел детской литературы, напротив лестницы, полка справа

Мой палец едва заметно вздрагивал, скользя по клавиатуре. Я пробежалась глазами по названиям разных книжных магазинов, и мое внимание привлек тот, что значился в списке третьим – «*The Bookshop* – самая большая в Шотландии букинистическая лавка». Я попыталась найти объяснение, почему мне так приглянулся именно этот магазин – самый большой, простое и незатейливое название, – а потом решила, что это не так уж и важно. В сущности, идея моей поездки заключалась в том, чтобы следовать интуиции.

Сайт выбранного мною магазина был прост и непримечателен. На одной из его страниц было размещено видео, в котором под музыкальный аккомпанемент можно было отправиться в виртуальную экскурсию по его многочисленным залам. Видео, пусть и не лучшего качества, показалось мне весьма забавным, а в конце на экране появилась набранная жирным шрифтом фраза: «Он огромный». Я также обнаружила раздел с информацией о летнем доме, который, по всей видимости, сдавался в аренду владельцем магазина. «Многообещающе!» – подумала я. Неплохое местечко, чтобы попробовать найти там работу в обмен на жилье. Судя по всему, летний дом представлял собой симпатичный коттедж с двумя спальнями – идеальный вариант, чтобы остановиться там на месяц-другой. Это, безусловно, помогло бы мне сократить затраты на поездку. Сердце гулко застучало в груди. Как волнующе! Все это на самом деле существует – и книжные магазины, и городок. Теперь мне оставалось лишь устроиться на работу в один из них.

Найдя на сайте раздел с контактами, я кликнула по адресу электронной почты. Что же мне им написать? «Так, Джессика, надо проявить энтузиазм, но при этом не показаться сумасшедшей, – велела я себе. – Не рассказывай никому о своем видении. Пиши, как нормальный человек. Во что бы то ни стало постарайся показаться милой, а не безумной». Я сделала глубокий вдох и принялась печатать.

Уважаемые господа!

Рада вас приветствовать и надеюсь, что у вас все хорошо. Мне двадцать пять лет, я сценарист и кинорежиссер из США, ищу возможность, начиная с этой осени, провести пару месяцев в своей любимой стране, Шотландии.

Я прочитала замечательные отзывы о вашем книжном магазине и хотела бы узнать, не заинтересует ли вас предложение взять меня на работу, что для меня как для начинающего писателя стало бы незаменимым опытом. Я готова работать на волонтерских началах в обмен на бесплатное проживание. У меня есть степень бакалавра по специальностям «Фольклор» и «Мифология»; в настоящее время я работаю в НАСА на должности руководителя информационного отдела и консультанта по корпоративному обучению на примерах прошлых достижений организации. При необходимости я могу предоставить вам дополнительную информацию о своей квалификации и опыте работы. Всю свою жизнь я мечтала когда-нибудь на несколько недель

⁹ Перевод В. Бабкова и В. Голышева.

поехать в Шотландию, чтобы посвятить время писательству, и меня всегда чрезвычайно привлекали магазины, торгующие подержанными книгами, так что я не могу придумать более подходящего способа провести время в этой стране.

Большое спасибо, что уделили мне время, с нетерпением жду вашего ответа.

*С дружеским приветом,
Джессика*

Я нажала на кнопку «Отправить» и выдохнула. Я была рада, что удалось так быстро с этим разделаться – все равно что выпустить сигнальную ракету. Теперь мое письмо было где-то там, летело сквозь эфир к своему адресату.

Внезапно я поняла, что не знаю, куда себя деть. На месте мне не сиделось. Я налила себе еще чаю, полистала книги, не вчитываясь в слова. Перезвонила Джошу, чтобы поблагодарить за приглашение на вечеринку. Его голос звучал бодро и весело, и он, похоже, совсем не обиделся на меня за проявленную на днях грубость. Для него вечеринка прошла как никогда успешно. Его идеи произвели должное впечатление на тех людей, с которыми его собирался познакомить Тейт. В тот вечер Джош завел много важных знакомств.

Через полчаса, когда я снова села за письменный стол и открыла ноутбук, меня ждала большая неожиданность. Мне пришел ответ.

Здравствуй Джессика спасибо за твое письмо ты не могла бы рассказать побольше о себе Юан

Сообщение, хоть и короткое, показалось мне обнадеживающим. Это был не отказ, а скорее вопрос, сулящий определенные перспективы. Я отправила письмо в неизвестность и услышала ответ, эхом донесшийся с другого конца света, что уже само по себе вызывало трепетное волнение.

Однако отсутствие пунктуации и части заглавных букв в этом коротеньком сообщении меня слегка смутило: казалось, будто его отправил человек, далекий от цифровых технологий, какой-нибудь восьмидесятилетний владелец старого пыльного книжного магазинчика, с восторгом и легкой оторопью всматривающийся в монитор древнего компьютера. Я представила себе этого старичка в окружении внуков, помогающих ему разобраться с «этой новомодной штуковиной, которую все называют *имейл*» и наблюдающих, как он кропотливо набирает на клавиатуре текст одним пальцем с распухшими суставами.

Сгорая от нетерпения, я тут же написала ответ. Как он и просил, я подробнее рассказала о себе, используя простые и ясные выражения, которые были бы понятны восьмидесятилетнему старику, присовокупив к этому сформулированный очень по-деловому список своих навыков, и приложила резюме. На всякий случай я прикрепила к письму фотографию, где я махала рукой, на ладони которой было написано «Привет!».

На следующий день пришел ответ от Юана: он отметил, что мое резюме выглядит очень впечатляюще. В этот раз сообщение было длиннее, а тон письма – более неформальный и шуточный. Может, я все же поторопилась делать выводы о своем восьмидесятилетнем собеседнике?

В нашем книжном магазине достаточно помощников, но я живу в большом старом доме над магазином, и у меня часто останавливаются художники и писатели.

Чем дальше я читала, тем более неправдоподобным мне все это казалось.

Уигтаун – красивое место, правда находится он вдали от основных центров. Мы можем помочь с транспортом, если тебе захочется поехать по

округе, пока ты у нас гостишь. Еще здесь довольно холодно, так что лучше приезжай весной.

Я смотрела на экран в полном изумлении. Очевидно, Юан был чрезвычайно щедрым человеком. Он дружески и без капли подозрительности пожал мою руку, протянутую в неизвестность. Мне не верилось, что все складывается так легко.

Тут же я получила от Юана еще одно письмо.

А вообще-то, писал он, если подумать, приезжать, наверное, следует в сентябре, то есть уже через несколько недель – гораздо раньше, чем я планировала, – чтобы успеть на Уигтаунский книжный фестиваль. По его словам, в его доме в это время всегда происходит много чего занимательного, и в этот раз он будет полон писателей, рассказчиков и других интересных людей. Весь городок, объяснил Юан, в это время просто бурлит. А у него, кстати, осталась одна свободная комната, где я могла бы поселиться, чтобы заняться писательством и насладиться атмосферой их города в самую подходящую для этого пору.

Надеюсь, нам удастся не дать тебе заскучать, пока ты будешь гостить у нас. Возможно, вскоре ты обнаружишь, что научилась мастерски управляться с дровяными печами.

Без лишних раздумий я забронировала билет на самолет.

5

*Сказку сказывай свою, да имей в виду —
Она наводит чары наяву.*

Стивен Сондхайм и Джеймс Лэпайн. В лес (мюзикл)

Отдел музыкальной литературы, главный зал, средняя полка слева

На паспортном контроле в аэропорту Хитроу офицер пограничной службы спросил меня о цели визита. Я замешкалась, стараясь сформулировать ответ как можно проще.

– Еду в гости к другу, – сказала я.

Я когда-нибудь раньше встречалась с человеком, у которого собиралась остановиться?

– Честно говоря, нет.

Как мы познакомились?

– Через интернет.

Я тут же залилась краской. Сказав это вслух, я вдруг поняла, что все это выглядело так, будто я невеста-иммигрантка, приехавшая к своему жениху, с которым познакомилась через интернет.

Если наша Вселенная и вправду бесконечна, значит, теоретически существует бесчисленное множество разных Джессик, которые, стоя перед точно таким же пограничником, вероятно, ответили бы на его вопросы иначе. Быть может, какая-то Джессика рассказала бы ему безумную правду о том, что она следует за своей путеводной звездой, потому что ей было видение и судьбой уготовано работать в книжном магазине. Однако наша Джессика решила, что это было бы уже слишком.

И бровью не поведя, пограничник меня пропустил. Сам по себе этот факт меня встревожил. И как же часто ему попадают люди, путешествующие на другой конец света ради кого-то, с кем они познакомились в Сети? По всей видимости, достаточно часто, раз ему так легко удавалось сохранять полную невозмутимость.

Я направилась к выходу на посадку, чтобы сесть на стыковочный рейс в Шотландию. Примерно через час я должна была прилететь в Глазго, где меня обещал встретить Юан. Уигтаун находился на отшибе. Юан предупредил меня, что почти все время мы будем ехать по узеньким сельским дорогам, а путь в один конец займет около двух часов.

Шагая через зал ожидания, я увидела, что около моего выхода на посадку уже начала выстраиваться очередь. Я поспешила к ней присоединиться, чувствуя, как внутри нарастает беспокойство. Что я творю, господи помилуй? Пары стандартных вопросов на паспортном контроле хватило, чтобы вернуть меня на землю, весь романтический флер улетучился, и на какое-то мгновение я трезво взглянула на ситуацию: я направлялась в крохотный городишко, в страну, о которой я ровным счетом ничего не знала, и собиралась жить у абсолютно незнакомого мне человека.

За моей спиной сгрудилась толпа людей с посадочными талонами в руках. Очередь продвигалась вперед, и меня начало мутить: со всех сторон меня окружали люди, и, оказавшись в ловушке, я была вынуждена плыть по течению невероятных событий, которые сама же и спровоцировала.

Я зашла в самолет, отыскала свое место, и тут меня захлестнула паника.

6

«Он – жизнь и душа Вселенной, – объясняет Наягек. – Его самого увидеть нельзя, можно только услышать его голос. Все знают, что голос у него нежный, как у женщины. Он такой мягкий и ласковый, что не испугает и ребенка. А говорит он вот что: “Не бойся Вселенной” – Шила эрсинарсинивдлуге»¹⁰.

Джозеф Кэмпбелл. Мифы, в которых нам жить

Отдел литературы по мифологии, главный зал, вторая полка снизу

Стоя перед длинным зеркалом в свете электрических ламп, я взглянула на свое отражение. На меня смотрела бледная, растрепанная, невыспавшаяся девушка двадцати с лишним лет с темными кругами под глазами – родная мать не узнает. Совсем не так я хотела выглядеть, отправляясь в приключение, а обстановка туалета в аэропорту прелести этому зрелищу не добавляла. Я постаралась натянуть на лицо храбрую улыбку. Этажом ниже, в зале прилета, меня обещал встретить Юан. И, хотя мой внешний вид говорил об обратном, я была полна энергии и бодрости, а еще страшно нервничала.

«Я не стану стоять там с табличкой, как идиот, – написал он мне, – она не понадобится. Ты меня и так узнаешь. Я высокий, с копной кудрявых рыжих волос. Выделяюсь в толпе». В его словах я уловила горделивые нотки.

Вот он, первый намек на то, каким на самом деле был Юан. Ему были присущи остроумие, застенчивость и толика противоречивости. Как-то раз я ходила на мастер-класс выдающегося артиста и клоуна Билла Ирвина, где он говорил, что характер персонажа строится на контрасте. Юан не хотел обращать на себя внимание, держа в руках табличку, но при этом не имел ничего против того, чтобы выделяться за счет своей внешности.

Я почистила зубы, и это сразу помогло мне немного освежиться. С помощью консилера я постаралась скрыть темные круги под глазами и приступила к своему обычному макияжу: светлые тени для век, чуть более темный оттенок, чтобы изящно подвести глаза, и немножко золотого во внутренний уголок. Всего минута – и я снова почувствовала, что похожа на саму себя.

В туалет вошли еще две женщины и, скользнув мимо меня, направились к кабинкам. В проеме распахнувшейся двери я мельком увидела эскалатор, ведущий в зал прилета, и осознала, что мне неизбежно придется покинуть безопасное убежище уборной. Я сделала шаг назад, чтобы осмотреть себя в полный рост. В джинсах и топе с надписью «Я ♥ Лос-Анджелес», с длинными распущенными волосами и челкой я выглядела как типичная калифорнийка. Может, мне следовало стать более неприметной и не выглядеть так отчаянно по-американски? Я вздохнула. Теперь уже точно некогда переодеваться. Схватив свой небольшой чемодан и сумочку, я собралась с духом и вышла наружу.

Кроме меня, на эскалаторе никого не было. Я ступила на зубчатую ленту, чувствуя, как она неумолимо тянет меня вниз. Обратного пути нет. Стоявшие внизу, в зале ожидания, родственники пассажиров с надеждой посмотрели в мою сторону. Когда я показалась в полный рост и они поняли, что я вовсе не та, кого они ждут, на их лицах отразилось разочарование. Я виновато улыбнулась.

В дальнем конце зала на скамейке сидел мужчина – наверняка это Юан, подумала я. Перед собой он держал раскрытую газету, которая скрывала его почти целиком, так что были видны только руки, коричневая куртка и торчащая поверх газеты копна рыжих волос.

¹⁰ Перевод К. Семенова.

Я надела на себя самую дружелюбную улыбку и, стараясь всем видом показать, что я нормальный человек, зашагала к нему.

– Должно быть, ты Юан? – спросила я со своим сильным американским акцентом. Позднее вспоминая этот момент, Юан подшучивал надо мной за то, что я гундосила, произнося его имя на американский манер: Юэ-эн.

Оторвав взгляд от газеты, он посмотрел на меня, словно немного опешив.

– Джессика! – У него был глубокий, бархатистый голос, как у диктора Би-би-си.

Он встал, и мы посмотрели друг на друга, все еще опасаясь, что обознались. Он был совсем не похож на восьмидесятилетнего старика, каким я его себе представляла. Пару секунд мы улыбались друг другу, испытывая приятное удивление. Быть может, Аня из зеленых мезонинов¹¹ объяснила бы это молчание восторгом, который мы испытываем, встретив родственную душу. А может, дело было в том, что мы оба испытали облегчение, убедившись, что ни один из нас с виду не похож на полоумного.

Пока Юан выносил мои вещи и платил за парковку, я воспользовалась минуткой, чтобы разглядеть его повнимательней. Высокий и стройный, тридцати с небольшим лет, на круглом, привлекательном лице – очки в проволочной оправе; большие руки. Опустив взгляд, я с восхищением обнаружила на нем коричневые замшевые ботинки. Все в его внешности говорило об аккуратности и опрятности – за исключением волос, которые лежали на голове спутанным гнездом.

Хотя я сразу же почувствовала себя комфортно в его компании, меня не покидало ощущение некой отчужденности, а все происходящее казалось мне каким-то ненастоящим. Возможно, дело было в том, что, нарисовав в своих мечтах этот мир, я теперь не могла поверить в его реальность.

Мы вышли на улицу. В Глазго стоял солнечный и на удивление теплый день. Юан повел меня через людную парковку к тому месту, где стоял его яркий фургон. Пятилетний ребенок внутри меня запрыгал от радости. На фургоне не было ничего лишнего – большой, вишнево-красного цвета, он выглядел гораздо веселее обычного автомобиля. Добрый знак, сулящий много хорошего.

Но потом, когда мы подошли поближе, на лобовом стекле я увидела наклейку с надписью «Я ♥ язык». Любопытно, подумала я, и неожиданно скабречно. Юан поставил мои вещи назад, в багажник.

– Это все, что ты с собой взяла? – У него был глубокий, почти грудной голос, интригующе контрастирующий с его легкой, непринужденной манерой себя вести.

– Я не очень люблю паковать чемоданы.

– Я тоже, – улыбнулся он и направился к водительскому сиденью.

Я уже собралась было последовать за ним, как тут же спохватилась, вспомнив, что пассажиру в Великобритании положено сидеть слева. «С другой стороны, – мысленно сказала я себе, покачив головой, – Дороти, мы больше не в Канзасе».

– Очень мило с твоей стороны, что ты согласился меня приютить, – выдохнула я, забираясь в фургон и устраиваясь поудобнее. – Даже не верится, что я здесь.

– Почему?

– Ну... – В воздухе повисло некоторое напряжение. Я не могла понять, чувствует ли его Юан, или все дело в моем собственном волнении, причиной которому захлестнувшее меня осознание того, что моя мечта внезапно стала реальностью. – Ведь я для тебя совершенно незнакомый человек. По правде говоря, я поверить не могу, что ты согласился.

– Что ж, здорово, что ты захотела приехать, – ответил Юан, выезжая с парковки. – Когда я получил твое письмо, я подумал: эта девушка, наверное, очень смелая, раз вот так ни с того

¹¹ Аня из зеленых мезонинов – героиня одноименного детского романа канадской писательницы Люси Мод Монтгомери.

ни с сего решила написать неизвестно кому, чтобы в одиночку отправиться в незнакомый город по другую сторону океана. Это очень крутой поступок. И тогда я решил сделать все, что в моих силах, чтобы тебе помочь.

Я была тронута тем, что он принял мой, казалось бы, ничем не объяснимый порыв поработать в книжном магазине около моря за смелость.

Он улыбнулся:

– Как бы то ни было, не каждый день встретишь человека, который столь решительно настроен приехать в Уигтаун.

Наш фургон выехал на трассу. Хотя мы все еще находились в черте города, относительно пустое четырехполосное шоссе казалось мне небольшим и очаровательно-провинциальным по сравнению с тем сумасшествием, которое каждое утро творилось на восьмиполосных, перегруженных транспортом дорогах Лос-Анджелеса.

Все, что я видела за окном, казалось живым и зеленым, до коричневых оттенков зимы было еще далеко. Тут и там посреди равнинного пейзажа попадались заправки, знакомые и потому не вызывавшие во мне особого восторга ресторанчики быстрого питания и отделанные каменной штукатуркой домики. Впоследствии я с удивлением узнала от Юана, что эти домики предназначались под социальное жилье для малоимущих семей. Мне, мало что понимавшей в местном укладе, поначалу они показались дорогими деревенскими коттеджами для летнего отдыха. Вскоре я осознала, что очутилась в совершенно ином мире, где существовали не только свои собственные социальные сигналы, но и визуальные ориентиры, причем мои попытки считывать как первые, так и вторые были обречены на провал.

Юан усмехнулся, взглянув на мое сияющее радостью лицо, расплывшееся в улыбке Чеширского Кота.

– Здесь так красиво, – с восхищением произнесла я, борясь с полубредовым состоянием, виной которому были смена часовых поясов и до сих пор не до конца покинувшие меня подозрения о том, что все это лишь очень яркое осознанное сновидение.

– То ли еще будет. Мы только-только выезжаем из Глазго.

У Юана зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, и его лицо помрачнело. Внезапно я задумалась, не причиняю ли дискомфорт своим визитом.

– Все хорошо? – До этого момента такие мысли не приходили мне в голову, но ведь Юан два часа потратил на то, чтобы в разгар рабочего дня приехать за мной в аэропорт.

Он помотал головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее ту мысль, которая только что пришла ему на ум.

– Все нормально. Ничего особенного. – Он сунул телефон в карман и поправил очки.

Ситуация, в которой я оказалась, может показаться не слишком безопасной: девушка, одна, без каких-либо (как выразился бы мой отец) «средств связи», в чужой стране, не имея ни малейшего представления о том, куда ее везут, сидит в фургоне наедине с незнакомым мужчиной. И все же я чувствовала себя в полной безопасности. Я вовсе не отличаюсь наивностью или склонностью бездумно полагаться на волю случая. Вообще-то совсем наоборот.

В возрасте восьми лет я была буквально одержима историей о пропавшей без вести девочке-ровеснице по имени Молли, которую посадили в машину какие-то неизвестные люди на проселочной дороге по пути в Нью-Гэмпшир. Весь город был увешан объявлениями о пропавшем ребенке, а ее имя не раз всплывало в моих воспоминаниях детства. После случившегося ежедневные походы в начальную школу стали для меня личным подвигом. Мой разум кишел всевозможными сценариями похищений, и всю дорогу до школы я бежала на всех парах, стараясь обезопасить себя от возможных попыток незнакомцев увести меня куда-то, а тяжелый ранец раскачивался у меня за спиной и бился о мои худенькие плечи. Позднее, уже будучи подростком, но все еще до конца не поборов этот страх, я ходила в школу в ботинках Dostor

Martens с железными носами. Впервые с того момента, как у меня начался переходный возраст, я чувствовала уверенность в том, что могу за себя постоять.

И вдруг – вот она я, на первый взгляд в весьма щекотливой ситуации, но между тем я совершенно расслаблена. Если бы в тот момент я задумалась о происходящем, я бы сочла это либо чудом, либо доказательством того, что нами повелевает судьба. Верно одно – своим душевным покоем я была обязана Юану. Разглядеть в нем благодушного, щедрого человека было не сложнее, чем рассмотреть его ярко-голубые глаза за отполированными стеклами очков.

Словно читая мои мысли, Юан задал вопрос:

– Так, значит, мой магазин стал первым, на который пал твой выбор?

– Первым... и единственным, – ответила я. – Я больше никому не писала.

– Правда? Ты даже не подозреваешь, как тебе повезло.

Я вопросительно приподняла бровь.

– Не то чтобы я весь из себя такой классный, – продолжал Юан, – но... в общем, увидишь.

– Что увижу?

– Тебя мог взять на работу кто-то другой.

Он подтрунивал надо мной, но я услышала правдивые нотки во фразе «ты даже не подозреваешь, как тебе повезло», и это меня заинтриговало. Я знала, что Юан вырос в этой местности, он был молод и успел заработать репутацию ключевой фигуры в литературной жизни Уигтауна. И хотя мне не удалось раздобыть в интернете много информации ни о самом городке, ни о местных книжных магазинах, я догадывалась, что имеет в виду Юан. Учитывая выбранное мною для поездки время, мой возраст и сферу интересов, я, по-видимому, попала в яблочко.

– Что ж, должна признать, я была готова с тобой согласиться, пока мне на ум не пришла мысль о том, что я, возможно, попала в лапы маньяка. – Я указала на наклейку с надписью «Я ♥ язык» на лобовом стекле.

Юан рассмеялся и залился румянцем.

– Здесь имеется в виду не основное значение слова *tongue*, а название городка в Северо-Шотландском нагорье, куда я однажды ездил. Одна старушка продавала там эти наклейки. Она даже не подозревала об этой пикантной игре слов, от чего ситуация казалась еще забавнее.

– Но ведь ты пользуешься этим автомобилем для работы. Разве клиенты не обращают на нее внимания, когда ты обсуждаешь с ними контракты?

– Обращают, – с гордостью подтвердил он. В этом заключалось еще одно интересное противоречие его личности: искренность с налетом панк-рока.

Он снова достал из кармана телефон, набрал номер и передал его мне. На том конце уже шли гудки.

– Передай сотрудникам магазина, что мы немного задержимся. Я хочу тебе кое-что показать по пути домой. Ну, если ты не устала, конечно.

Я не устала. Я уже несколько лет не чувствовала себя такой бодрой и живой.

7

Далеко, в небесной обители великого бога Индры, есть прекрасная сеть, которая была повешена каким-то хитрым искусником так, что она простирается бесконечно во всех направлениях. В соответствии с экстравагантным вкусом божеств ремесленник поместил по одному сверкающему драгоценному камню в каждый узелок сети, и поскольку размеры сети бесконечно велики, то и количество алмазов бесконечно. На ней висят камни, сверкающие как звезды первой величины, – чудесное зрелище. Если мы теперь произвольно выберем один из этих драгоценных камней и внимательно рассмотрим его, мы обнаружим, что на его полированной поверхности отражаются все другие драгоценные камни в сети, бесконечные по количеству. Не только это, но каждый драгоценный камень, отраженный в этом одном драгоценном камне, также отражает все другие драгоценные камни, так что процесс отражения повторяется бесчисленное количество раз.

Аватамсака-сутра в описании Фрэнсиса Гарольда Кука. Буддизм Хуа-Йен: алмазная сеть бога Индры

Отдел философской литературы, крайний стеллаж слева от задней двери

Путь до Уигтауна был неблизкий. Пригородные пейзажи за окном вскоре сменились зелеными полями, на фоне которых изредка появлялось то стадо коров, то какой-нибудь старый каменный коттедж. Мне казалось, будто я смотрю на ожившую открытку с идиллическим шотландским пейзажем. Чем дальше на юг мы продвигались, тем выразительнее становился рельеф, напоминая кривое зеркало, в котором отражались покрытые полями холмы и необъятные просторы с глубокими каньонами и крутыми склонами. Местность пересекали извилистые реки с водопадами, деревья то появлялись, то вновь пропадали, уступая место ветровым электростанциям. Стада лохматых овец неспешно спускались по склонам, то и дело перегораживая нам дорогу. Мы сбрасывали скорость, чтобы пропустить очередную отару, и под их отчаянное бляение, эхом разносившееся по фургону, черепашьям шагом пробирались вперед по извилистой дороге. Чем дальше, тем уже становилась дорога и тем экзотичнее казалось все вокруг.

Разговор шел легко и непринужденно. Юан спросил меня, что я думаю о предстоящих президентских выборах в США и о кандидатах от демократической партии – Хиллари Клинтон и Бараке Обаме. Я была удивлена его познаниями в области американской политики и истории. Оказалось, он изучал эти темы в школе. Опасаясь затеять политический спор, едва успев приехать, я старалась выражать свое мнение не слишком категорично, но Юан, казалось, был согласен с каждым моим словом.

– Ты точно говоришь так не из вежливости?

– Нет, честное слово. Я бы и сам сказал в точности то же самое.

Похоже, он был немного обескуражен – как будто познакомился с пришельцем с другой планеты и вдруг обнаружил, что говорит с ним на одном языке.

Наш большой красный фургон пробирался по все более узким и неровным проселочным дорогам. С мастерством бывалого водителя Юан маневрировал, без труда заходя в повороты, от которых у меня волосы вставали дыбом. Вытянув шею, я посмотрела в окно со стороны водителя и, увидев за ним отвесный обрыв, начала гадать, сколько еще нам предстоит ехать по такой дороге.

Как выяснилось, когда-то, прежде чем стать владельцем книжного магазина, Юан мечтал работать в кинематографе. Услышав это, я приготовилась, что вот сейчас-то уж точно кто-нибудь потрясет меня за плечи, прервав мое необычное сновидение. Он рассказал, что отвечал

за звук во время съемок какого-то документального фильма для Би-би-си, и, хотя пробиться в киноиндустрию оказалось очень трудно, его интерес к созданию фильмов никогда не ослабевал. Перебивая друг друга, мы принялись перечислять картины, которые когда-то нас вдохновили.

Еще выше, в горах, пейзаж вновь изменился, став пугающе глухим и безлюдным. Каменные коттеджи исчезли, а по обеим сторонам дороги раскинулись дикие равнины с высокой коричневой травой, рыжевато-бурым папоротником и стадами пасущихся овец. Горизонт тоже исчез. Некогда простиравшийся вдаль пейзаж теперь упирался в гущу темно-зеленых сосен.

– Уродливые деревья, – вздохнул Юан, глядя в окно, – а ведь изначально они здесь не росли. Их сюда завезли из-за нехватки древесины после того, как большую часть деревьев вырубали во время Первой мировой.

– Должна признать, здесь довольно пустынно. – Я надеялась, что в моих словах Юан услышит скорее участливость, нежели упрек.

– Так и есть. Зимой приходится проявлять особенную осторожность, – ответил он. – Когда-то давно во время сильной метели один почтальон на несколько дней застрял здесь на своем грузовике. Никто так и не пришел к нему на помощь, и бедняга умер.

Бог с ним, с удручающим пейзажем, но вот рассказ Юана уж точно надолго врезался мне в память. Мы не просто катили по обычной проселочной дороге; мы были вдали от цивилизации, в полной изоляции от современного мира, в пограничном пространстве на полпути между фермерскими землями и неизвестностью, которая лежала впереди. Я чувствовала, как меня качивают мягкие изгибы дороги, и, разомлев от тепла, провалилась в дрему.

– Просыпайся, сонная Лиса. – Юан осторожно потряс меня за плечо.

Вздвигнув, я открыла глаза. Солнце особенно ярко светило в окна фургона. В отдалении я слышала бормотание голосов – звук, означавший, что мы спустились с холмов и снова оказались среди людей.

Моргая и пытаясь сбросить с ресниц навеянный дорожной усталостью туман, я спросила сонным тихим голосом:

– Где мы?

– Я решил показать тебе замок Калейн. Он построен на самом краю скалистого обрыва, и вокруг него очень красиво. – Юан выпрыгнул из фургона, и я последовала за ним, тут же взбодрившись при мысли о том, что сейчас увижу свой первый в жизни замок.

В детстве я мечтала не только о том, чтобы стать детективом, как Агата Кристи, но еще и о том, чтобы жить в замке, хотя в реальности я их ни разу не видела. Быть может, я была далеко не единственной в мире девочкой, мечтавшей о замке, однако, в отличие от своих ровесниц, я вовсе не хотела быть принцессой и ходить в красивом платье. Скорее мне представлялось, как я буду бегать и размахивать мечом или заниматься поисками закопанного на заднем дворе сундука с сокровищами. И вот, шагая по внушительному каменному мосту и наблюдая, как перед нами вырастает величественный замок Калейн, я вдруг поняла, что эта детская мечта до сих пор хранит прежнее очарование.

Сады вокруг замка с просторными, аккуратно подстриженными лужайками и пальмовыми деревьями казались на удивление тропическими. Сам же замок вовсе не отличался атмосферой таинственной ветхости, которую я ожидала увидеть. К моему разочарованию, за ним очень хорошо ухаживали, и выглядел он так, будто его построили вчера, хотя, по словам Юана, это было вовсе не так.

– Здесь останавливался Эйзенхауэр, но самая старая башня была возведена еще в пятнадцатом веке, – рассказал он.

– Ого! – Я старалась показать, что его слова меня впечатлили, хотя мне бы гораздо больше понравилось, если бы он сказал, что в замке живут привидения.

Мы вошли в открытый всем ветрам внутренний двор, ведущий к главному входу в замок. Посмотрев вниз с обрыва на белую пену волн, с шумом бившихся о скалы под нами, я наконец почувствовала, что мое желание увидеть нечто по-настоящему величественное было удовлетворено. Передо мной там, где небо встречается с морем, бесконечной голубой линией тянулся горизонт.

Юан улыбнулся, наблюдая за моим лицом, на котором, по-видимому, отражались все роившиеся в голове мысли.

– Невероятное место, правда? – спросил он, стараясь перекрыть ветер.

Я кивнула:

– Я очень благодарна, что ты привез меня сюда. Ведь у тебя сегодня рабочий день. – Убрав с глаз растрепанные ветром пряди, я увидела, что Юан смотрит на меня в упор.

Он отвел взгляд.

– Не стоит благодарности. – Он засунул руки в карманы, и между нами впервые возникла неловкость. Юан тут же развернулся и зашагал вниз по тропе, ведущей в замок.

После прогулки на ветру и экскурсии по залам замка с изысканными интерьерными мне совсем расхотелось спать. А вот Юан стал неразговорчив и, даже когда мы снова вышли в сад, продолжал молчать. Мы безмолвно шагали к машине под серым, пасмурным небом, и я вдруг испугалась, не обидела ли я его. Он улыбнулся, когда я снова поблагодарила его за то, что он показал мне эти места, но я чувствовала: что-то изменилось. Я начала беспокоиться, что непринужденность, с которой мы беседовали в дороге, заставила меня предположить, будто между нами мгновенно возникла особая близость, которой на самом деле не было.

Я плотнее запахнула полы куртки. Небо потемнело, и в воздухе появилась пронизывающая прохлада. Зябкая сырость, казалось, проникала в каждую клеточку тела. Я дрожала от холода, когда мы наконец добрались до красного фургона, который, словно маяк, ярким веселым пятном выделялся на фоне серой парковки.

– Давай, – внезапно заговорил Юан деловым и отрешенным тоном. – Поможешь мне загрузить все в фургон.

Он вошел в небольшую сувенирную лавку, расположившуюся на обратной стороне парковки, и вышел с большой коробкой книг.

– Там внутри есть еще. – И он кивнул в сторону лавки.

Проходя мимо меня, он сунул руку в карман пальто:

– Ах да. Я купил тебе вот это.

Я взяла протянутый мне сверток и открыла его. Внутри была книга – «Народные сказания Шотландии».

– Я подумал, тебе понравится. – Юан нервно переступил с ноги на ногу.

– Спасибо. – Он не забыл, что я изучала мифы. Я посмотрела на него с любопытством, не понимая, чем объяснить столь резкие перемены настроения. – Так заботливо с твоей стороны. Я уверена, мне понравится.

Юан пожал плечами и зашагал к фургону. Не сказав больше ни слова, я направилась в сувенирную лавку. Одну за другой я помогала ему грузить коробки, пока мои щеки, подставшие на морском ветру, не покраснелись, а на шее не выступил липкий пот. Именно это, а вовсе не экскурсия по замку стало моим боевым крещением. Я и вправду работала в книжном магазине на морском побережье в Шотландии.

8

*Воображение – мой монастырь, а сам я – монах в нем¹².
Из письма Джона Китса Перси Б. Шелли
Джон Китс. Письма
Отдел поэзии, справа от камина, третья полка снизу*

Я очнулась от глубокого забытья, услышав мычание коровы. Тело, одурманенное сменой часовых поясов, казалось тяжелым и вялым. Я пошевелила ногами, лежа под белыми накрахмаленными простынями, и ощутила в носу щекочущий аромат лаванды. Вдруг я осознала, каким непривычным было все вокруг – воздух, звуки и запахи. Я не в Лос-Анджелесе, вспомнила я. На самом деле я здесь. В Уигтауне.

Комната была погружена во мрак. Думаю, на часах было около 6 или 7 утра, определить точнее я не могла: мои замутненные усталостью глаза еще не успели приспособиться к темноте и дать мне оглядеться. Усилием воли я заставила себя сесть и посмотрела поверх изножья кровати на большое окно, занавешенное длинной тяжелой портьерой, за которой пряталось утреннее солнце. Сквозь щель в шторе в комнату пробивался луч яркого света, падая на белую стену за моей спиной.

Юан поселил меня в самую большую из гостевых комнат. Всю последнюю неделю он специально приберегал ее, готовя к моему приезду, и не селил туда никого из гостей, приехавших на предстоящий книжный фестиваль. Две другие комнаты пока пустовали, но одна из них предназначалась для какого-то писателя, а другая – для обещавшей приехать кузины Юана и ее друга.

– Но ты не волнуйся. Ты будешь жить в большой гостевой спальне до самого отъезда, – как-то невзначай упомянул Юан. Он сказал это так, будто в этом не было ничего особенного, но я знала: ему наверняка пришлось многим отказать, чтобы оставить комнату для меня.

Под одеялом было довольно тепло, но, откинув его, я почувствовала, как меня обнял по-осеннему холодный воздух. Я тут же снова натянула одеяло до самого подбородка, радуясь, что можно еще немного понежиться в кровати и осмотреть свое новое жилище. В спальне стояло несколько изящных предметов старинной мебели, стены украшала пара картин, написанных масляными красками. В дальнем конце комнаты расположился небольшой камин с дровяной печью, а на каминной полке стояла вазочка с сухими лепестками лаванды. Я чувствовала себя словно героиня одного из романов Джейн Остин – то ли Анна, то ли Элизабет, – когда та проснулась в старинной загородной усадьбе.

Я снова закрыла глаза. Во время вчерашней поездки к замку нам удалось полюбоваться красивыми видами, однако поистине впечатляющим оказался последний отрезок пути, когда мы проезжали через область Галлоуэй и подъезжали к Уигтауну. В Галлоуэе нашему взору предстал самый трепетно охраняемый секрет Шотландии – полуостров Мачарс, разместившийся между бухтой Уигтауна и заливом Лус. Перводанная красота этих мест таит плавные гряды безмятежных, величественных холмов, фоном для которых служат то грандиозные, укрытые снежными шапками горные пики, то девственные леса, то морское побережье.

– Моя бабушка сказала бы, что это Шотландия в миниатюре, – внезапно произнес Юан. Заметив ошеломление, отразившееся на моем лице, он решил прервать царившее в салоне молчание. – Как будто все самое прекрасное, что только можно найти в Шотландии, собрали в одном месте. Здесь есть все: море, горы, леса, плоскогорья.

¹² Перевод С. Сухарева.

– Это место самое красивое из всех, что мне когда-либо доводилось видеть, – ответила я, ничуть не преувеличивая.

Юан засмеялся.

– Я серьезно. Почему здесь так мало туристов? Ведь любому захочется тут побывать.

Мне казалось, что я отыскала Священный Грааль, самое удивительное, что только есть на Земле. Зеленые просторы, скалистые берега, за которыми раскинулось бескрайнее море, и ни единого домишки, который нарушил бы гармонию пейзажа, – лишь изредка нам попадались каменные коттеджи или загадочные руины. Мимо мелькали пустые пляжи с пещерами и гротами, в которые так хотелось заглянуть. Девственный, лишенный признаков цивилизации, захватывающий дух пейзаж. Если бы я не увидела всего этого своими глазами, я бы не поверила, что такая Шотландия еще существует. Ни намек на туристические автобусы, рекламные щиты или извечную жажду наживы. Все здесь оставалось нетронутым ни временем, ни рукой человека.

Юан пожал плечами:

– Может, потому, что сюда не так-то легко добраться. Но тот факт, что об этом месте до сих пор мало кто знает, лишь добавляет ему очарования.

Вскоре Юан показал на большой коричневый знак, на котором четкими белыми буквами было написано: «Книжный город Шотландии национального значения – следующий поворот налево».

– Почти приехали.

Мы добрались до книжного магазина, когда уже начало темнеть, – въехали в Уигтаун и продолжили двигаться по главной дороге, пока не уперлись в большую городскую площадь. Она была не похожа ни на одну из тех площадей, которые я привыкла видеть в Новой Англии – там их неизменным атрибутом были деревянные колониальные домики с большими, льнущими к торцам дворами, а в центре, как правило, высилась главная краса и гордость городка – церковь. Здешнюю же площадь обрамлял ряд старинных деревянных коттеджей в пастельных тонах – мятно-зеленый, персиковый, белый – со сверкающими оконными стеклами, в которых отражалось закатное солнце. На одном конце площади располагалась выстроенная в викторианском стиле ратуша из красного кирпича, а на другом брала начало извилистая дорожка, взбиравшаяся на вершину холма и терявшаяся из виду где-то на вершине.

Книжные лавки были повсюду, или, может, так мне казалось из-за нахлынувшей усталости и сгущавшихся сумерек. Мимо мелькали вывески с надписями «Книжный уголок», «Читающие девы» и «Старый банковский книжный магазин» – вся улица, насколько хватало глаз, была усеяна подобными лавками.

Юан остановил свой красный фургон перед большим домом в георгианском стиле, на первом этаже которого располагался его книжный магазин. Сквозь лобовое стекло я увидела над входом зеленую вывеску с золотыми буквами – *The Bookshop*. По обеим сторонам от двери стояли небольшие бетонные колонны в виде стопок книг, закручивающиеся вверх спиралью словно цепи ДНК.

По моему телу от волнения пробежала дрожь. Сейчас я выйду из машины и окажусь в том самом городке, который рисовала в воображении, сидя в душевой лос-анджелесской квартире... Я чувствовала себя Нилом Армстронгом, готовящимся сделать первый в истории шаг по поверхности Луны. Я нервничала – как, должно быть, и сам Армстронг – и гадала, не провалится ли подо мной земля, превратившись в пыль. Действительно ли все это происходит по настоящему, или это лишь эфемерная иллюзия, продукт моего воображения?

Юан открыл боковую дверь фургона и отступил в сторону, чтобы я могла взять свои вещи. Ухватив тяжелые сумки, я последовала за ним мимо спиральных колонн у входа и вошла в темноту магазина. Переступив порог, я услышала приятный чистый звон и, подняв глаза, увидела золотистый колокольчик. Я затаила дыхание. Прямо как в моем видении, этот изящ-

ный звоночек висел над дверью – ничуть не менее реальный, чем мощный тротуар, по которому я шагала мгновением ранее.

Перед нами во всей красе предстала магия места, пылающего отблесками заходящего солнца. Из комнаты, уставленной потемневшими деревянными стеллажами с книгами, открывался вход в просторную галерею. В воздухе витал терпкий запах старой бумаги и пыли. В стенах дома еще при закладке были встроены камины, пол выложен длинными деревянными досками, с потолка свисали канделябры. В сгущающихся сумерках я успела заметить, что повсюду таились маленькие сокровища и безделушки, радующие глаз и создающие одновременно душевную и величественную атмосферу. На стенах висели написанные масляными красками картины, на самом виду тут и там были ловко и не без юмора разбросаны всевозможные антикварные вещицы – то шляпа-котелок попадет на глаза, то чучело фазана. Мы прошли через очередной дверной проем, мимо стеллажей с детской литературой и оказались в длинном коридоре. Юан показал наверх, и, подняв взгляд, я увидела свисающий с потолка скелет, играющий на скрипке.

– Просто восхитительно! Все это не может быть взаправду, – твердила я снова и снова как заклинание.

Юана смешил мой американский восторг.

– Рад, что тебе нравится. – Его глаза поблескивали, и я поняла, что он доволен.

– Он большой? Кажется, будто он бесконечный, – сказала я, шагая вслед за Юаном.

Мы заходили все дальше вглубь магазина, и из каждой комнаты открывался вход в следующую, непохожую на все предыдущие. Транспортная комната представляла собой небольшое помещение с каменными стенами неподалеку от главного зала, забитое всевозможными книгами про транспорт и перевозки. Юан поднял откидную дверцу люка, скрывающую под деревянными полами комнаты игрушечную модель поезда, который курсировал по макету Уигтаунской площади, – дверца была так хорошо спрятана, что никто из посетителей сам бы в жизни не догадался, что под его ногами скрывается такой секрет. Чуть дальше располагалась Шотландская комната с рядами поднимавшихся до самого потолка полок, заполненных книгами о Шотландии, целый стеллаж был посвящен сэру Вальтеру Скотту. Из коридора открывался выход в сад, где находилось небольшое каменное строение с весьма подходящим названием «Садовый домик», доверху забитое книгами и старинными вещицами.

Вернувшись в основное здание магазина, мы прошли по петляющему туда-сюда коридору и добрались до лестницы – тут обнаружилось еще больше каминов, любопытных закутков и укромных местечек, где было нетрудно заблудиться. Царившая в этом месте атмосфера чем-то напоминала книги про Гарри Поттера. И впрямь, идеальный книжный магазин.

Преодолев изящный пролет ступенек, вдоль которого также тянулись книжные полки, мы оказались на первой лестничной площадке, ведущей в зал, куда выходило множество дверей из разных комнат. Сверху на меня неодобрительно взирала голова огромного лося, пока я стояла там, стараясь осознать все увиденное. Холл, украшенный мрачными, загадочными пейзажами в позолоченных рамах, показался мне величественно-эксцентричным, как и все в этом доме. Вытянув шею, я посмотрела на уходящую вверх лестницу и увидела еще два пролета и арочный, украшенный витиеватыми карнизами потолок, который по высоте, казалось, мог потягаться с куполом собора.

– Это поразительно! – снова сказала я и тут же спохватилась: вот я заладила. – Прости, я все повторяю одно и то же, но твой дом... я просто потеряла дар речи.

Юан снова рассмеялся. Мои щеки залились румянцем, но в душе я ликовала. Я и не подозревала, что так хорошо умею смешить.

– Обещаю, что завтра, когда будет светло, проведу для тебя полноценную экскурсию, – сказал он, открывая дверь по правую руку от себя. – А сейчас ты, должно быть, проголодалась.

Я вежливо улыбнулась, хотя мне совершенно не хотелось есть. Единственное, чего мне хотелось, так это копаться в бесконечных стопках книг внизу. Тот необъяснимый порыв, что привел меня сюда, тот сон наяву внезапно начал жить собственной жизнью, демонстрируя мне нечто новое, интересное и выходявшее далеко за рамки того, что я когда-либо могла себе представить. Последовав за белым кроликом, я провалилась в нору и теперь не хотела упустить из виду ни малейшей детали.

Юан открыл дверь справа от нас, и в коридоре послышалось мягкое бормотание голосов. Еще гости? Столкнувшись с неожиданной необходимостью общаться с незнакомыми людьми, я почувствовала, как воодушевление меня покидает, уступая место невыносимой усталости. Юан жестом пригласил меня следовать за ним. Я послушно скользнула в дверной проем и оказалась в большой прелестной кухне. Приглушенный свет падал на кремовые стены и мятно-зеленые шкафчики. По одну сторону комнаты находилась прикрепленная к потолку с помощью лебедки старомодная деревянная сушилка, с которой свисали недавно выстиранные вещи. Над уставленной цветами каминной полкой висели большие деревянные настенные часы, а в очаге топилась чугунная печка. На столе среди множества пустых бутылок и стаканов мерцали свечи.

Вокруг большого деревянного стола сидели четверо гостей – две женщины и двое мужчин. Когда мы вошли, все они выжидающе подняли на меня глаза. Мужчины, увидев меня, сразу встали. Я бы и представить себе не могла подобной галантной учтивости в США, тем более на дружеской вечеринке в Лос-Анджелесе.

Поприветствовав меня беспорядочным хором дружелюбных голосов, гости с любопытством принялись меня разглядывать. Одна из них, молодая женщина с длинными светлыми волосами и голубыми глазами, раздобыла мне стул.

– Юан, будь обходительней, – сказала она с необъяснимой радостью, причина которой была известна только ей одной, наблюдая, как Юан пробирается к столу. В ее мелодичном голосе безошибочно угадывался местный акцент. – Прояви гостеприимство, налей нашей американке выпить. Мы вас заждались. Проходи, садись рядом со мной. Меня зовут Ханна. Давай я положу тебе пирога.

Как по команде я села на стул рядом с Ханной, и она поставила передо мной тарелку с ежевичным пирогом. Ее красивое открытое лицо показалось мне столь же обезоруживающим, как и ее манера себя вести. Я послушно погрузила вилку в пирог, но тут же почувствовала, что совершенно вымотана. Вот теперь-то смена часовых поясов действительно давала о себе знать.

– Это Ханна, – сказал Юан и добавил: – Моя сотрудница.

– Самая любимая сотрудница! – перебила она.

Юан покачал головой:

– Моя самая баламутная сотрудница.

Я засмеялась, а пока Ханна притворялась оскорбленной, Юан бросил на меня озорной взгляд. По другую сторону от Ханны сидела женщина в толстом свитере цвета фуксии, обтягивающем ее округлые формы. У нее были длинные темные волосы, и, хотя она выглядела молодо, я предположила, что ей было хорошо за тридцать, как и Юану.

Один из мужчин в возрасте сорока с небольшим лет, с миловидными, почти женственными чертами лица, неловко протянул мне руку:

– Привет, я Элиот.

Мне, американке, совершенно не привыкшей разбираться в британских акцентах, своей речью он напомнил мистера Чарльза Бингли из «Гордости и предубеждения» – эдакий лондонский аристократ.

– Элиот, – заговорила женщина в свитере цвета фуксии, – наш фестиваль диктатор.

– Директор, – торопливо поправил Элиот.

– А я – Лора, друг Юана, – представилась она. – Его единственный друг.

– А как же я?! – возмутилась Ханна, шлепнув ее по плечу.

– Ты скорее мой враг, – отозвался Юан.

Ханна удовлетворенно улыбнулась.

Когда-то я удивлялась, на скольких языках говорят в НАСА, но в разговоре людей, находившихся в этой комнате, разобраться было гораздо сложнее. Все они говорили по-разному, и моим ушам то и дело приходилось перестраиваться и приспосабливаться к непрерывно менявшимся особенностям произношения.

– Привет, рад познакомиться, – присоединился к разговору последний из гостей, демонстрируя явный североирландский акцент. – Меня зовут Каллум. – Он был высокого роста, плечистый и смотрел на меня сквозь очки в проволочной оправе. Каллум протянул мне руку и с дружелюбной уверенностью одарил меня крепким рукопожатием.

– Подкинуть дров? – спросил Юан, наливая мне бокал вина. Никто не ответил. Все, наострив уши, уставились на меня.

– Так откуда ты? – спросил Каллум.

– Из Америки, ясное дело. – Ханна закатила глаза и попыталась пнуть Юана, который как раз открывал дверцу старой чугунной печки, собираясь подкинуть туда щепок и газетной бумаги.

– Ну, в последнее время, – попыталась выговорить я, не успев прожевать кусок ежевичного пирога, – я жила в Лос-Анджелесе.

– А так и не скажешь. – Лора уже какое-то время гладела на мой топик с надписью «Я ♥ Лос-Анджелес». Я зарделась и внезапно пожалела, что надела его. Как будто недостаточно было того, что мой акцент и манера себя вести кричали о моем американском происхождении, так еще и одежда не давала повода усомниться.

– Ну, как бы то ни было, мы рады, что ты действительно существуешь, – улыбнулся Каллум, чокаясь со мной пивом. – А то мы думали, может, Юан тебя выдумал.

Ханна потянулась к нему через стол, чтобы ударить его по плечу. Ей, похоже, нравилось бить людей.

– Не обращай на него внимания, рассказывай.

– Я – режиссер. Ну, вообще-то я работаю в НАСА. – Мне по-прежнему было трудно объяснять людям, чем я занимаюсь.

– И ты решила приехать в Уигтаун? – Элиот нахмурил брови.

– Мне хотелось взять отпуск и поехать в Шотландию, чтобы поработать в букинистическом магазине.

– И теперь ты, бедняжка, застряла тут, с нами, – решила подразнить меня Лора. Она шутила колко, но с теплотой. Мне она сразу понравилась. – Это Юан тебя заманил...

– Никого я не заманивал, – запротестовал все еще возившийся с печкой Юан.

– ...в какую-то глухомань и поселил в дом, где можно окоченеть от холода, – продолжала Лора, не удостоив его реплику вниманием. – Ничего страшного. Твой американский оптимизм тебя согреет.

– Я всеми силами стараюсь поскорее развести огонь, – слышался приглушенный голос Юана.

– Но почему ты выбрала Уигтаун? – Элиота это, похоже, ужасало.

– Сам знаешь почему, – сказала Ханна. – Мы же все читали ее письма.

Внезапно мне стало неловко. Похоже, в Уигтауне не было принято беспокоиться о соблюдении личных границ.

– А чем ты занималась в НАСА? – Каллум откинулся на спинку стула и достал из кармана небольшую жестяную коробочку. Открыв крышку, он извлек из нее табак и бумагу для самокруток.

– Юан, у тебя, по всей видимости, талант уговаривать молодых привлекательных женщин приехать в Уигтаун. – Элиот налил себе еще вина. – Слушай, а может, ты помимо всего прочего мечтала поработать на фестивале?

Лора улыбнулась и подмигнула мне. Дразнить и подтрунивать всегда было не мое, но сейчас все было иначе. Быть может, дело в том, что в детстве я пересмотрела кучу британских комедийных шоу и могла мгновенно и безошибочно распознать особый ритм и ощущение иронии в его словах. Хоть я и не могла парировать, зато могла оценить шутку, и этого оказалось достаточно, чтобы меня приняли. Я обвела взглядом комнату, дожевывая свой ежевичный пирог, и расплылась в улыбке.

В школьном выпускном альбоме про меня написали, что я «милая» – и все, больше никаких прилагательных, существительных или глаголов. Быть может, они недостаточно хорошо меня знали, чтобы вдаваться в детали. Я была не слишком странной, чтобы вписаться в ряды ребят из драмкружка, не так явно следовала популярным трендам, чтобы считаться крутой, и даже училась недостаточно прилежно, чтобы можно было причислить меня к ботанам. Я всегда находилась где-то между, никак не выделяясь на общем фоне учеников провинциальной старшей школы, и поскольку я была ни то ни се, я никогда не ощущала себя частью чего-то большего. Я улыбалась своей «милой» улыбкой, как бабочка порхая по социальному чистилищу школьной столовой, и никогда не садилась за один стол с какой-то конкретной компанией.

Я надеялась, что в колледже все изменится. Аня из зеленых мезонинов говорила, что родственные души встречаются ей в жизни отнюдь не так редко, как она раньше думала, будучи подростком. Спустя месяц учебы в гуманитарном колледже Франклина и Маршалла, я убедилась, что в словах Ани была правда, но она оказалась совсем не такой, как я ожидала. Я жаждала стать частью сообщества, иметь собственную компанию, но вскоре обнаружила, что невозможно предугадать, где именно мне доведется встретить близкого по духу человека, и часто это происходило в самых неожиданных местах. Парень с моего курса, девушка, жившая со мной в одном крыле общежития, несколько преподавателей. Я слышала голоса единомышленников среди писателей, книги которых читала, а иногда даже узнавала родственную душу в вымышленных героях их произведений.

Несмотря на все приключения, пережитые мной с тех пор, как я закончила колледж, мне все еще мучительно не хватало чувства принадлежности к чему-то большему. И хотя мне чрезвычайно повезло иметь друзей в разных уголках планеты, это было неравноценно тому, чтобы ощущать себя частью группы, компании, клана. И теперь, сидя в обществе остроумной и непритязательной элиты Уигтаунского книжного фестиваля, дома у незнакомого человека, над Книжным магазином, за тысячи миль от дома, в отдаленном уголке Шотландии, я с изумлением осознавала, что мне, быть может, наконец-то удалось хоть на миг испытать это чувство общности.

Одно я знала наверняка – если это и был мой личный Алгонкинский круглый стол, то я уж точно была самой трезвой из всех, кто за ним сидел. Спустя полчаса едкой иронии и пьяных подначек я, борясь с жуткой усталостью, взобралась вверх по лестнице, в свою спальню, где под убаюкивающие звуки смеха и болтовни, доносившиеся снизу сквозь трещины в половицах, быстро погрузилась в глубокий, сладостный сон.

При тусклом свете утра, пока воспоминания о вчерашнем вечере всплывали в моей голове, я внезапно поняла, что в доме царит тишина, а вот утренний хор на улице становился все громче.

Я выросла в пригороде Бостона, и звуки, которые обычно приветствовали меня по утрам, в основном издавали люди: мягкое гудение чьей-то газонокосилки, свирепый гудок рассерженного водителя, приглушенные звуки радио из комнаты сестры, пение отца в душе или легкие мамины шаги на лестнице. Живя в Лос-Анджелесе, я успела привыкнуть к утренней тишине. Моя квартирка находилась так высоко над городом, на холмах, в новом сейсмостойком доме

со звукоизоляцией, что ни единый звук, даже шум машин на бульваре Сансет не мог просочиться внутрь.

Я предполагала, что, живя в маленьком шотландском городишке, буду просыпаться в такой же тишине, но я ошиблась. С неподдельным интересом я прислушивалась к симфонии звуков за окном. Было что-то волшебное в этом оркестре птичьих голосов, в который время от времени конечно же вмешивался баритон коровьего мычания.

Я выскользнула из-под одеяла, не страшась холода, и отдернула штору. Стояла восхитительная солнечная погода, а с улицы на меня смотрела пестрая палитра уигтаунских крыш. Это было самое что ни на есть неожиданное и восхитительное зрелище – целая вереница домиков с шиферными крышами самых разных форм, цветов и размеров. Серые, зеленые, голубые, из камня, закаленного непогодой. Каждый коттедж отличался собственным, уникальным характером, возрастом и историей. Повсюду, сколько хватало глаз, в небо устремлялись маленькие изогнутые дымоходы, вокруг которых вились упрямые цветы и пучки травы – напоминание о влажном умеренном климате Галлоуэя.

Справа мне удалось разглядеть соседские садики – вымощенные булыжником, причудливые, как и крыши, дышащие стариной. Каждый из них служил отражением жизни его обитателей: одни не требовали особого ухода, поскольку были почти полностью вымощены и заставлены цветами в горшках, другие, давно заброшенные, успели зарости сорняками, но много было и роскошных, ухоженных садиков с сушившимся на веревках бельем и уголками для отдыха. Друг от друга дворики отделялись каменными оградами, некоторые из которых были построены недавно, а некоторые – потрепанные временем и увитые плющом – напоминали о Викторианской эпохе. За садами аркой уходил к небу ярко-зеленый холм. На его вершине стоял высокий каменный монумент. На склонах холма паслись коровы и овцы, ярко выделяясь на фоне голубого неба. Это был рай для всех органов чувств. Все здесь было такое красивое, такое чистое, зеленое и свежее.

Опустив взгляд, я увидела на каменном подоконнике светло-зеленый лишайник. Его мохнатые серебристые веточки расползлись по стене за окном. Как-то раз один из друзей сказал мне, что лишайник любит чистый воздух.

– Дороти, ты больше не в Канзасе, – снова сказала я себе, вспоминая привычное облако липкого смога, которое неизменно висело над Лос-Анджелесом.

Я подняла оконную раму и с наслаждением сделала глубокий вдох. Мои изголодавшиеся по кислороду легкие запели, а голова закружилась. Посмотрев налево, рядом с водосточной трубой я увидела подстенок с небольшим, вырезанным в камне лицом. Должно быть, ему очень много лет. Резьбу отполировали ветра, она покрылась зеленоватым мхом, а каменное лицо с закрытыми глазами улыбалось, идеально передавая если не выражение моего собственного лица, то уж точно мое настроение.

Когда, спросила я себя, я в последний раз давала отдых своим ушам? Они наслаждались тишиной и пением птиц с той же жадностью, с которой мои легкие глотали чистый воздух. Мысли свободно порхали, ни за что не цепляясь. Я полностью отключилась от всего, без средств связи, без списков дел, без машины, даже без телефона. Я почувствовала, как, несмотря на холодный воздух, по телу теплом разливается усиливающееся, загадочное чувство, которое, однако, тут же исчезло, стоило мне подумать о копившихся в моем электронном ящике входящих сообщениях.

9

Шоссе – это такая штука, которая дает возможность одним индивидам мчаться сломя голову из точки А в точку Б, в то время как другие могут сломя голову мчаться из точки Б в точку А. Живущие в точке В, расположенной прямо посередине, нередко задают себе вопрос: чем же так замечательна точка А, если туда рвутся толпы из точки Б, и почему других сводит с ума точка Б? Они частенько мечтают, чтобы люди раз и навсегда решили жить и работать там, черт побери, где им действительно хочется¹³.

Дуглас Адамс. Автостопом по Галактике

Отдел художественной литературы, главный зал, стеллаж с книгами в твердом переплете, под буквой А

В течение нескольких дней после приезда в Уигтаун я вставала рано и шла на пробежку. Каждое утро начиналось одинаково. Я выходила из Книжного магазина навстречу бодрящей прохладе первых осенних деньков и принималась разглядывать пейзаж, медленно впитывая все, на что падал мой взгляд: безлюдные улицы, залитые лучами восходящего солнца; молчаливые колоритные стены каменных домов; покрытые каплями росы цветы в маленьких подвесных кашпо. Если выйти на середину главной дороги, можно было увидеть весь Уигтаун целиком, от края до края. Любопытно, но я не чувствовала себя запертой в этом малюсеньком поселке – совсем наоборот. Я ощущала себя свободной. Здесь не приходилось толкаться в пробках на дорогах, до отказа забитых транспортом, – кругом был простор.

Я надевала наушники и неспешно выбирала в iPod песню под настроение. Потом сворачивала налево и легкой трусцой бежала по единственной дороге Уигтауна в своих коротких шортах American Apparel.

Сегодня над большой безлюдной городской площадью был растянут огромный белый шатер. Под него задувал ветер, и края тента беспокойно трепыхались, в нетерпении ожидая начала фестиваля. Оставалась всего неделя до десятидневного литературного события, которое каждый год проходило в Уигтауне с последних выходных сентября до первых выходных октября. Фестиваль обещал превратить этот сонный городок в многолюдное, переполненное книгами пристанище британской литературной элиты, и повсюду уже появлялись свидетельства предстоящей метаморфозы.

Книжный магазин, словно предвосхищая надвигающиеся перемены, превратился из тихого островка уединения в настоящий пчелиный улей, где постоянно что-то происходило, и все время слышалась оживленная болтовня Ханны и Лоры. Привезли все необходимое для обеспечения участников фестиваля питанием, и теперь вверх-вниз по лестницам без конца чинно носили складные стулья. В магазине с каждым днем толпилось все больше туристов и волонтеров, приехавших на фестиваль. Казалось, будто в результате некой квантовой аномалии время внезапно ускорило ход, и я почти забыла, что после окончания фестиваля у меня останется всего неделя, чтобы сполна насладиться пребыванием в Уигтауне, прежде чем отправиться обратно в Лос-Анджелес.

Мне как человеку, не мыслящему свою жизнь без привычек и ритуалов, ежедневные утренние пробежки помогали адаптироваться к новой обстановке. Книжный магазин оказался ровно таким, каким я его себе представляла: к моему огромному удивлению, здесь был даже длинный деревянный прилавок – прямо как тот, о котором я грезил в своей лос-анджелесской квартире, – и окно, у которого можно было сидеть и смотреть на улицу. Все вокруг так точно

¹³ Перевод В. Баканова.

отражало мои фантазии, что немудрено было возомнить себя демиургом, воплотившим их в реальность, и все же Уигтаун превосходил все ожидания – он не переставал меня удивлять, то и дело напоминая о том, что я лишь один из многочисленных странников, на чьем пути оказался этот маленький городок, а вовсе не его единоличный создатель. Это место обладало собственным характером, энергетикой и неповторимой загадочностью.

Однажды во время очередной пробежки течение моих бессвязных мыслей прервал хруст гравия под колесами приближающегося автомобиля – этот звук здесь приходилось слышать не часто. Я едва миновала мостик, перекинутый через небольшой ручей, бежавший по болотистой местности к морю. Места, чтобы посторониться, особо не было, и я свернула на поросшую травой насыпь, чтобы пропустить автомобиль.

Но, вместо того чтобы проехать мимо, водитель замедлил ход и остановился. «Только этого мне еще не хватало, – подумала я, – сейчас начнут приставать». Даже в Уигтауне девушка не могла просто выйти на пробежку, не обратив на себя внимание какого-нибудь придурка, по мнению которого таким образом она давала понять, что ей не терпится услышать в свой адрес парочку непристойностей. Ощетинившись, я повернулась к водителю.

К моему удивлению, из остановившегося «субару форестера» на меня смотрела пожилая чета. На заднем сиденье возбужденно пыхтели и тьякали две собаки. Сидевший за рулем пожилой мужчина опустил стекло.

– Дорогая, – сказал он, часто моргая от яркого солнца, – у вас все в порядке?

Я растерялась, не зная, что ответить, и остановилась отдышаться.

– Да, все хорошо, спасибо.

– Но тогда от кого вы бежите? – спросила его жена, наклонившись поближе к водителскому окну, чтобы получше меня разглядеть.

Внезапно меня осенило: они решили, что я в беде.

– Нет-нет, что вы! У меня все отлично. Просто занимаюсь физкультурой.

Мужчина за рулем улыбнулся и помахал мне на прощание, поднимая стекло. Автомобиль тронулся и вскоре исчез из виду, а я осталась стоять, в изумлении провожая его взглядом.

Во время своих утренних пробежек я регулярно встречала одних и тех же персонажей, которых уже совсем скоро знала наперечет, – так врезаются в память каждый отдельный мазок кисти на любимом полотне. Группа направлявшихся в школу детей в спортивных костюмах, пожалуй, не слишком изобретательно дразнила меня «тетей-бегуньей». Некоторые местные жители, что подружелюбнее, махали мне из своих садиков, которые они поливали по утрам. Была еще женщина, которая любила готические наряды и водила катафалк с красными бархатными сиденьями, – она всегда улыбалась мне, отправляясь с ребенком и собакой в центр города. Еще был один пожилой господин, одетый в безукоризненно чистый, изысканный твидовый костюм, один рукав которого был аккуратно заколот булавками у плеча: у него не было руки. Мне не сразу удалось его очаровать, но в конце концов он стал здороваться со мной так же тепло, как и с другими соседями. И еще по дороге мне встречался почтальон – большой весельчак, который уже на следующий день после моего приезда запомнил, как меня зовут.

Единственный, с кем мне так и не удавалось наладить контакт, был Юан, по-прежнему скрытный и молчаливый. Как-то утром, пока в магазин не успели набежать посетители, он повел меня смотреть древнюю каменную церковь Уигтауна и большое старинное кладбище при ней. День был туманный, но церковь находилась недалеко, на той же улице, буквально в паре шагов от магазина. Мы шагали молча, и я с любопытством всматривалась в лицо Юана, чувствуя, как влажная дымка оседает на моих щеках. Мы почти не проводили время вместе с тех пор, как он привез меня из аэропорта. Он был по горло занят магазином и подготовкой к фестивалю, хотя я никак не могла понять, действительно ли у него так много дел или же он намеренно от меня прячется.

– Люблю такую погоду, – сказала я, с трудом сдерживая желание развести руки в стороны, будто я плыву сквозь туман.

– Это хаар, он приходит с моря, – ответил Юан своим глубоким низким голосом.

Справа от нас, у подножия холма, лежали серебристые болота, а за ними сгущалась дымка, за которой скрывалось море.

– Это самое красивое место в мире, – выдохнула я.

– Ты любишь преувеличивать, Джессика, – засмеялся Юан. Он коснулся меня плечом и тут же отстранился.

Мне до сих пор мало что было о нем известно. Я задумчиво подметила, что своей таинственностью он напоминал мне мистера Рочестера из «Джейн Эйр». Он казался довольно дружелюбным, а уже через мгновение становился холодным. Иногда он пропадал где-то часами, а возвращаясь, проходил мимо меня с напряженным видом, да так, словно вовсе меня не замечал. Казалось, что за ним повсюду тенью следуют женщины, как стая ворон, кружащих вокруг огородного чучела. От моего внимания не ускользнули невозмутимые женские голоса в телефонной трубке, то и дело забегавшие в магазин посетительницы, но никаких существенных деталей, по которым можно было бы судить, что он встречается с одной из них, мне подметить не удавалось.

Тем временем, свернув налево, мы вошли в железную калитку, ведущую в церковный двор, и тут перед нами внезапно возникла совсем иная картина. Со всех сторон из земли торчали могильные камни, похожие на старые, кривые зубы, пробивавшиеся сквозь сырую, мшистую землю. Кое-где могилы заросли кустами ежевики. Юан сорвал ягоду и протянул мне. Положив ее в рот, я с содроганием подумала о том, на какой земле она выросла.

Мрачная атмосфера церковного двора показалась мне такой далекой, когда я вышла на залитую утренним солнцем улицу, готовясь к очередной пробежке. Погода обещала быть ясной и солнечной – на небе ни облачка и ни единого намека на туман, поэтому я решила изменить маршрут и отправиться чуть дальше обычного. Прежде я всегда спускалась вниз по склону холма и бежала в сторону моря, мимо болот и безмятежно пасущихся коров. Но сегодня мне нужно было подумать, поэтому там, где я обычно поворачивала налево, я планировала свернуть направо и отправиться навстречу распростершемуся впереди голубому небу – через холм и прочь от Уигтауна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.